
S-T-I-K-S
ТЕРМИТ-1
СТАС ЗАКАМСКИЙ

Стас Закамский

S-T-I-K-S. Термит

«Автор»
2026

Закамский С.

S-T-I-K-S. Термит / С. Закамский — «Автор», 2026

Леха(Термит) — парень из будущего, волею случая оказавшийся в мире Стикс, на кластерах, где история остановилась в 1990-х годах. Формально он внешник — а значит, враг для стронгов, ведущих с внешниками непримиримую войну. С трудом добившись права остаться в стабе стронгов, Термит начинает путь выживания в Улье. Со временем у него появляются новые друзья и полезные связи. Но все ли друзья - действительно друзья? Рейды, кластеры, охота за лутом и постоянный риск смерти превращают выживание в рутину. Но Стикс прерывает эту рутину и клеймит его. Новая жизнь в Улье только начинается.

© Закамский С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Букварь и Фиалка 5
Глава 2: Термит 19
Глава 3: Букварь и Фиалка 24
Глава 4: Термит 31
Глава 5 48
Глава 6 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Стас Закамский
S-T-I-K-S. Термит

Глава 1: Букварь и Фиалка

Сидя на вершине холма, укрытые густыми зарослями, мы с Фиалкой почти не дышали. Ветер слегка покачивал листву деревьев, а мы старались не издавать ни звука, чтобы ни один хруст под ногами не выдал нашего присутствия. Маленький город внизу, застывший в тишине предрассветных сумерек, еще не знал о том, что произойдет в ближайшие часы. Фиалка пристально смотрела в бинокль, направленный на центральные кварталы города. Мы ждали начала перезагрузки.

И вот началось. Город со всех сторон начал окутывать густой туман. Я ощутил его кисловатый запах, который пронзил воздух.

– Как думаешь, сколько это продлится? – спросила Фиалка, не отрываясь от наблюдения.

– В методичке написано, что перезагрузка быстрых кластеров происходит в течение нескольких часов. Наблюдаем и ждем гостей. Пойдем в город только после их захода, а лучше вообще после выхода, – ответил я.

Как только туман начал понемногу рассеиваться, на горизонте, с противоположной стороны города, возникло движение. Я прищурился.

– Фиалка, посмотри на другой край, там вроде какое-то движение.

– Да, вижу. Топтун, пара лотеров и восемь бегунов.

– Смысла сейчас заходить в город нет. Пока зараженные в городе, там ловить нечего, даже если никто из них не выскочит навстречу. Эти твари всё чуют, нюх у них как у собаки, и всё слышат, так что любой звук, даже шаг на бетон загонит нас в капкан. Ждём пока твари насытятся. Как только уйдут, ждем еще минут десять на случай, если кто-то из них задержится или вернётся.

– А если кто-то из них останется?

– Поэтому и ждём. Следим за их маршрутами, считаем, сколько вошло – сколько вышло, всё на глаз. Когда останется один-два зараженных, выдвигаемся, обходим город стороной, по мелкой дуге, мимо ангаров и водонапорки. Если город чист – двигаем через ту же южную улицу, ближе к магазину, там вход в подвал.

Слышу, как в городе начались крики, пока еще не частые. Стрельбы не слышно, значит сопротивление минимальное или монстры всех застали врасплох.

Смотрю в бинокль, зараженные разбегаются между домами, ни один не оборачивается, все заняты делом. Через минут двадцать топтун возвращается к окраине, стоит на месте, ждет остальных.

– Скоро уйдут, – говорю, больше для себя, чем для неё. – Городок мизерный, уже почти все наелись. К топтуну подтягиваются остальные. Девять особей в сборе, не вижу еще двух. Ладно, их ждать не будем, выдвигаемся.

Переглядываемся ещё раз, молча. Раз, два, три – и поползли. Я впереди, Фиалка следом, мы как тени друг за другом, максимально низко, кромка травы и кустарник до первого забора за оврагом. Всё время держу глазами дорогу, потом взгляд на левую сторону. Никого. Тишина. На востоке солнце медленно поднимается всё выше, окрашивает крыши малоэтажных домов ржавчиной, всё выглядит будто под фильтром фотошопа.

Мы у забора. Осторожно выпрямляюсь, крадусь. Воздух сырой, трава как будто маслом натёрта после росы. Скользко, чуть не падаю, ловлю равновесие руками. Фиалка молчит, только дыхание чуть тише. Осторожно идем вдоль забора, выходим к дороге, заходим в городок. Передвигаемся вдоль домов. Фиалка держится на дистанции метра два позади.

По дороге рассыпаны вещи – плюшевый мишка, детский ботинок, бутылка минералки. У гостиницы валяется труп. Обхожу, не смотрю лишний раз.

Мы идем к центру. Слева за углом слышен хруст. Не видно, но понятно, что там пирует зараженный. Идем дальше, только медленнее, пригибаемся ниже. Я поднимаю кулак – значит стоп, максимум внимания. Слышим тяжёлое дыхание, потом смачный чавкающий звук. Держимся правой стороны, вдоль кирпичной стены. Шаги медленные, сердце колотится, пот по спине под бронежилетом горячий, мерзкий.

Дальше пересекаем аллею. У кафе «Вдохновение» разбито окно. Я заглядываю внутрь – пусто, столы и стулья опрокинуты. Окно на противоположной стене – удобный сквозной маршрут, если вдруг нападут. Запоминаю.

Двигаемся дальше, центр близко. Дом с тайником только через одну улицу. Двухэтажный жилой дом, рядом мусор вперемешку со стёклами, на деревьях остатки одежды болтаются. В воздухе звенит тишина, вдалеке на востоке слышится вой, но это может быть просто ветер. Улицы пусты, но опасность может быть за каждым поворотом.

Фиалка вздыхает негромко, переводит взгляд на меня. Я киваю – держись, мол. Слева, в тени лестницы, вижу силуэт: бегун, щурится, ловит носом воздух. Нас не заметил – мы в тени, а ветер дует от него. Протискиваемся между машинами, сгибаемся в три погибели. Сердце выскакивает наружу, когда он вдруг делает шаг в нашу сторону, начинает водить красными глазами по сторонам.

Мы замираем, задерживаем дыхание. Вдруг вдали раздается то ли вой, то ли хрип. Бегун поворачивается и убегает на звук. Наверное хозяин свиту собирает таким кличем. Пронесло, добираемся до дома с тайником.

Перед домом куча тел. Судя по тому, что все стены в брызгах крови, здесь тварям оказали сопротивление. Проверяю дверь – не заперта, замок выбит. Захожу внутрь, проверяю комнату. Пусто. Фиалка за мной, усмехается – сама не ожидала, что так быстро доберемся. Мы внутри.

На улице утро в разгаре. Лучи солнца пробиваются сквозь занавески. Все комнаты внутри хорошо освещены светом с улицы. Но нам в подвал. Достаем фонарики, спускаемся медленно, по очереди, я первый. Пахнет плесенью, старыми консервами. Фиалка спускается за мной, ствол держит наготове. Где-то тут тайник. Теперь главное найти, забрать и выдвигаться назад до того, как в городе появится следующая голодная смена.

Иду медленно, фонарь хорошо освещает пространство передо мной. Первая дверь приоткрыта, внутри стеллажи доверху набиты банками. За банками ничего. Вторая комната мастерская: верстак, тиски, ящики с инструментами. Тоже ничего интересного. Третья дверь закрыта. Толкаю ее плечом – поддается. За ней – пустая комната. Фонарь освещает у дальней стены силуэт железной двери. Добротная сварка, толстое ребро, петли смазаны совсем недавно. Замочная скважина как у сейфовой двери. Понимаю, что это то, что нам нужно.

Я подергал ручку – закрыто. Фиалка приложила ухо, затаив дыхание – тишина. Но взламывать замки мы не умеем и даров на взлом у нас тоже нет.

– Ключ надо искать, – сказал я.

– Думаешь он в подвале? – спросила Фиалка.

– Не знаю, давай начнем с первого этажа.

Начали с кухни. Я проверил все ящики кухонного гарнитура – пусто. Фиалка тем временем залезла под стол, осмотрела его снизу, проверила отдельно стоящий шкаф, цветочные горшки, тоже пусто.

Потом была комната справа. Это был кабинет. Вытряхнули все книги, стоящие на стеллажах – ничего. Фиалка заметила выступающую от пола половицу – под ней оказались какие-то документы. Сунулись во вторую комнату – шкаф, весь забит одеждой, ключей нет.

Время поджимало. Я уже не думал где искать, просто машинально двигался: открывал, выдвигал, щупал, снова и снова, раз за разом оглядываясь на Фиалку – она такая же упрямая, как и я, тоже обшаривала все вокруг.

Вдруг, проходя по коридору в очередной раз, я заметил странность – вроде бы обычное прямоугольное зеркало на стене, но оно состояло из двух половинок, и левая половинка немного выступала над правой.

– Посвети сюда! – тихо позвал Фиалку.

– Думаешь? – прошептала она.

– Да, тут или тайник, или дефект установки.

Проверил края, нащупал пальцами за зеркалом небольшую выемку. Странно. Зацепился ногтем – зеркало немного поддалось. Отодвинул сильнее – раздался негромкий хруст. Да, это не просто зеркало, это дверца.

Фиалка посветила фонариком. В стене была вырезана неглубокая ниша. В нише лежит большой железный ключ. Я беру ключ и мы бежим в подвал.

Сбегаю по лестнице вниз, вдруг резкий щелчок. В затылок прилетает чем-то тяжёлым, сразу резкая боль, хлопок в ушах и темнота.

Очнулся от пронзительной боли в руках. Попытался повернуться, но что-то жёстко тянет руки назад. Наручники впились в запястья, я почувствовал, как пальцы затекают. Пошевелил ногами – связаны пластиковым хомутом. Голова гудит, все плывет перед глазами, сразу толком и не понял где я. Воняет соляркой, ржавым железом. Тусклый свет пробивается через маленькое мутное зарешеченное окошко. Дополз до стенки кузова машины, принял сидячее положение. Фиалка прислоинлась к противоположной стене, тоже связана, глаза открыты. Она молчит, только губы дрожат – видно, что злость ее душит, а не страх. Двигатель гремит где-то спереди, от вибрации кузова зубы вибрируют в такт. Похоже нас загрузили в автозак.

– Саша, ты как? – спрашивает Фиалка шепотом, словно боится, что её услышат.

– Букварь! Забыла, что в Стиксе другие имена? – прошипел я.

– Букварь, как думаешь, есть шанс вырваться?

– Шанс есть всегда, как бы банально это не звучало.

Фиалка хмыкает. Слышу, как она пробует освободить ноги, скрипя по полу хомутом на ногах.

– Нет тут ничего, ну ничего вообще. Даже пол гладкий, не зацепиться.

– Ага, всё предусмотрели. Но когда дверь откроют, будет шанс. За нами ведь придут в любом случае. Так понимаю муры нас подловили на нашей же невнимательности. А если это муры, то повезут на продажу внешникам, или сначала в стаб, а потом все равно на продажу.

– Думаешь попробовать сбежать?

– Конечно. Дверь откроется, они полезут внутрь. Допустим первую схватят тебя. Скорее всего вдвоём схватят под руки. Попробуй ударить ногами им по ногам, резко, внезапно. Если вдруг сработает, один пошатнется, а то и падать начнет, потянет вас со вторым муром за собой. Я буду за вами, попробую оглушить кого-нибудь из них. Если повезет, выпадет оружие или ключи от наручников, или нож, чтобы хомут срезать. Если все очень удачно сложится, то сможем выпрыгнуть из машины и побежим. Неважно куда – лес, поле, главное отбежать от машины.

Вдруг автозак затормозил так резко, что нас обоих швырнуло в сторону. Я чуть не кувыркаюсь, в голове гудит от удара. Слышу приближающиеся голоса, топот ботинок, кто-то хлопает ладонью по кузову.

Задняя дверь открывается с лязгом, в глаза бьет яркий дневной свет. В салон залазят бандюки-муры, двое, амбалы под два метра.

– Ну что, голубки, приехали, – рычит первый детина под два метра ростом, ухмыляясь заросшим щетиной лицом.

Он сразу же без лишних разговоров хватает Фиалку двумя ручищами, как курицу на убой, приподнимает, чтобы передать её вниз. Но она изворачивается, и связанными ногами с силой ударяет в живот второму муру. Но для громилы фиалкин удар, как слабый тычок. Он хватает её за ноги. Все происходит быстро. Снаружи уже стоят, подставив руки, еще две гориллы. Они подхватили девушку под руки и колени, и не оглядываясь, понесли прочь от машины.

В это время я пытаюсь ударить связанными ногами по ноге первого амбала, но бесполезно, это как пинать бетонный столб, вкопанный глубоко в землю. Громила молча поворачивается, все с той же дебильной ухмылкой, поднимает меня сзади под руки и тупо выкидывает в дверной проем автозака вниз на землю. Затем двое муров спрыгивают вниз за мной. Меня берут под мышки и волокут вслед за Фиалкой.

Оглядываюсь по сторонам, вокруг нас еще около десяти муров. Стволы автоматов направлены на нас, все напрежены, видимо ждут внезапного применения даров, глушилка скорее всего берет недалеко.

Двое конвойных жестко вывернули мне плечи и волокут вперед. Остальные муры разделились на две подгрупы, организовали своеобразный коридор. Таким построением мы движемся вперед. Впереди, метров через сто, стоят еще люди, все в футуристичных боевых скафандрах. На всех шлемы, забрала затонированы. Ну все понятно, я не ошибся, муры поймали нас и привезли на продажу внешникам.

Через несколько минут нас дотащили до покупателей. Внешников я раньше еще не встречал. Покупателей было в два раза меньше, чем муров. Но разглядев внешников вблизи понял, что мощь их вооружения в разы больше наших обалдуев. На всех вроде бы камуфляжные костюмы, но две трети поверхности занимает не ткань, а матовые пластины похожие на броню. Открытых участков кожи нет. Футуристичные высокие берцы, похожие на мотоботинки, перчатки в таком же стиле. Сама ткань костюмов была не простая, она меняла узор под разными углами, как хамелеон. На головах – бронешлемы с выступающими воздушными фильтрами в районе подбородка. На месте лица – глухое тёмное забрало, во внутреннем слое мерцает голубой узор, но не видно ни черт лица, ни глаз.

Трое из шести внешников в руках держали какие-то гибридные пушки. То ли ружья, то ли автоматы, ствол короткий, патроны или батареи в прикладе, не понятно. У каждого за плечом и на поясе было какое-то оборудование, скорее всего боевое. У половины из них светилась голубая подсветка внутри шлемов. Голосов не было слышно, но было понятно, что они общаются между собой по своему каналу связи.

Позади этих гостей стояло две бронемашины, внешне похожих на БТРы. Размер кузова был примерно такой же, колес тоже было восемь. Но на этом сходство заканчивалось. Двигатели работали практически бесшумно; не было ни запаха масла, ни копоти. Форма кузова была

монолитной, без каких-либо выступов. Защитный камуфляж на кузове переливался, как на их костюмах. На крыше турели – три ствола вкруговую, лазеры или рельсы, непонятно. Двигались плавно под управлением искина, сканирующего все вокруг.

Главарь муров вышел вперед к внешникам.

– Сегодня только двое, – начал он сиплым голосом. – Зато свежее мясо, без вредных привычек. Парень и девка – оба свежаки, молодые, тридцати еще нет. Смотри как похожи, это брат с сестрой. С вас шесть черных жемчужин.

Навстречу муру вышел внешник.

– Максимум две черных, – зазвучал искаженный голос из динамика шлема, – Цена снижена, рынок перенасыщен. Спрос уменьшился, предложение увеличилось, качество среднее. Полная стоимость – две черных жемчужины за два тела.

– Какие две черных, вообще товар видишь? Два молодых тела, кровь с молоком! Это я еще мало прошу, за таких родственников и красную не стремно просить. Для вас разве не лучше родственников дербанить?

– Кстати, насчет крови, вот сейчас и проверим, – последовал ответ из динамика. – Проверьте иммунных, может они вообще не иммунные!

– А надбавка за срочность? Вы вчера сказали, что вам сегодня нужно, – продолжал торговаться мур.

– Сегодня утром нам уже привезли тела, конкуренты ваши, – ответил внешник.

– Это Хромой что ли мой конкурент? Он свежаков ловит на только что перезагрузившихся кластерах. Они и дня в Стиксе обычно у него не проживают; доходяги, алкаши, пенсионеры, без даров.

Пока шел торг, к нам с Фиалкой подошли двое внешников с оборудованием.

Первый вытащил из кобуры белый металлический цилиндр, мигающий синими светодиодами. Взял меня за руку – аккуратно, машинально даже, и этим самым устройством быстро, без боли, сделал прокол в вену. Кровь моментально всосалась внутрь. Тот же трюк повторил с Фиалкой.

Второй достал другое устройство, похожее на сканер. Лазер пробежался полосками по нашим телам. Щелчки, переборы, до мурашек по коже. Наверное проверил синяки, переломы, гематомы, и тому подобное.

Пока второй сканировал Фиалку, первый вставил пробирки в специальную консоль. Из нее выдвинулся экран, на котором посыпались какие-то цифры, графики, линии, все по-быстрому.

– Анализ – чисто. Оба годны к изъятию, – через несколько минут отчитался первый внешник, бравший кровь.

– Идентификация совпадает. Показатели органов удовлетворительные у обоих, – отчитался второй внешник со сканером.

У муров сразу лица расплылись в ухмылках, уже про себя делят оплату. Но на меня и Фиалку даже не смотрят – для них мы не люди, а просто товар.

– Берем обоих, – скрипучим голосом из рации подвел итог главный внешник.

– С вас четыре жемчужины! – главарь муров не собирался заканчивать торг.

– Вам мурам, чтобы получить два черных жемчуга надо завалить минимум одного элитника. Как часто вы элиту валите? А свежаков на органы таскаете два-три раза в неделю. Ладно, за хороший товар дам вам три жемчуга! – назвал окончательную цену внешник.

– Договорились командир! – ответил главарь. По его интонации было понятно, что он примерно на такую цену и рассчитывал.

Вдруг резкая вспышка и темнота. Очнулся в полугоризонтальном положении пристегнутый ремнями к креслу на запястьях и щиколотках. Осмотрелся по сторонам. Рядом, параллельно мне, на расстоянии примерно метра, в таком же кресле была пристегнута Фиалка.

Воздух был свежий, вентиляция работала бесшумно, слегка тянуло озоном, сухостью и каким-то незнакомым медицинским запахом. Периметр отсека был подсвечен приглушенным светом. Время текло вязко. Казалось, прошёл час, а на самом деле минут десять. Иногда казалось, что за нами наблюдают. Я рассмотрел на потолке и в стенах несколько черных поблескивающих точек, похожих на глазки камер наблюдения.

То что мы ехали, а не стояли, было понятно по едва слышному гулу за бортом. Но транспорт внешников ехал очень мягко, подвеска проглатывала все неровности дороги. Шумоизоляция тоже была на высоком уровне, внешних звуков почти не было слышно. Вообще все было сделано так, чтобы убаюкивать будущих доноров. В нашем отсеке даже играла успокаивающая музыка

– Сколько, думаешь, ещё трястись? – спрашиваю Фиалку, смешивая в голосе усталость с равнодушием. Для камер просто разговор, ничего выдающегося, а для неё – пусть читает между строк.

– Не знаю, – отвечает она, тоже между делом смотрит равнодушно вперёд, будто скучает. – Там, куда мы едем, говорят, климат мягкий и сервис отличный.

– Ну, сервис – это хорошо. Главное, вон туалет недалеко есть, а то знаешь, как бывает: затянут ремнями, и сиди, как дурак, три часа про себя считай.

– Всё предусмотрено, – ухмыляется Фиалка, ковыряя ногтем край подлокотника. – Тут просто так ничего не бывает, каждая кнопка по делу.

– Вот бы узнать, что где включается, – киваю на панель в стене передо мной. Изучено уже всё, до царапины: прямоугольные клавиши, пару раз светились, но сейчас погасли. – Помнишь, говорили, что у них всё на сенсорах?

– Мне кажется, мы для них – просто багаж. Доставят куда велено, и всё. Думаешь, сможем освоиться на новом месте? – спрашивает Фиалка.

– Освоиться можно где угодно, – отвечаю. – Даже если кресла не дают сразу встать. У меня, например, правый замок чаще скрипит, чем левый. Как твои ощущения?

– Есть такое, – усмехается. – Особенности конструкции. Интересно, почему так?

– Может, местные не рассчитывали, что кто-то станет дёргать лишний раз, – отвечаю.

– Главное вовремя увидеть, как тут всё устроено. Привыкаешь быстро, иначе нельзя, – говорит Фиалка, скользя взглядом по креплениям на ногах.

– Я вот, к примеру, могу одним движением снять тряпку с обуви, – говорю вполголоса, а сам сгибаю пальцы, немного приподнимая запястье над подлокотником, делая вид, будто разминаю затекшую руку.

Оказалось, что если руку поднимать очень медленно вверх, то ремень тоже поднимается с рукой. А если поднять руку чуть быстрее, то он сразу фиксируется на месте, по типу ремней безопасности в машине.

– Всё верно, – соглашается Фиалка, видя краем глаза мою приподнятую кисть. – Оправдываться тут никто не даст.

– Да, а ещё надо понимать, что все прописано. На стене точка, наверху три точки. Шаг влево, шаг вправо, сама понимаешь.

– Ну, зато скучно тут не будет, – с усмешкой отвечает Фиалка.

– А я вот думаю, сколько времени займёт адаптация, – смотрю на стену перед собой, будто в раздумьях. – Если получится освоиться, можно смотреть на перспективу дальше, да и личные навыки подтянуть.

– Главное, чтобы не выгнали с курса, – отвечает она. – Экзаменаторы тут строгие.

– Да, но если подготовишься, то пройдешь дальше, – задумчиво отвечаю.

Попробовал так же аккуратно приподнять ногу, но не сработало, ремни на ногах никак не среагировали.

Вдруг я почувствовал резкий укол в шею, после которого сразу отключился.

Я очнулся резко – как после удара током: не было постепенного возвращения, просто в одно мгновение понял, что больше не сплю. В висках стучало, рот был ватный, но прежде всего я почувствовал боль. Не острую, а тянущую, как после сильного ушиба или отходящей

заморозки. Боль была глубоко внутри, ниже рёбер. Я нащупал под тканью больничной пижамы полосу на коже – шов, ещё один сбоку внизу спины. Подреберье ныло, словно внутри меня кто-то водил ножом по кругу.

Палата, если её вообще можно было так назвать, выглядела как декорация из фильма про будущее. Ни одного привычного монитора: везде голографические экраны, прозрачные, светящиеся мягким светом. Даже капельницы – это не пластиковые пакеты на штанге, а какие-то кристаллы, словно вросшие в стену и пульсирующие. Из них прозрачные трубки, по которым текла и капала жидкость, подходили к нашим венам на руках.

Я попробовал сесть, но тело тут же дало понять – не стоит рыпаться. Боль тут же откликнулась вспышкой в боку и под ложечкой. Справа, в метре от меня, заметил знакомые русые волосы, Фиалка. Она лежала, повернув голову ко мне, дышала часто, на лбу выступили испарина и мелкие морщины от боли. Глаза закрыты, но губы чуть шевелятся, будто пытается сообразить, где мы и что с нами сделали.

Слева – ещё одна койка. Там лежал мужик – лет под сорок на вид, жёсткие скулы, глаза синие, тяжёлый взгляд. Он тоже был под капельницей, рука прикована к койке каким-то светящимся браслетом. Грудная клетка вздымается – живой, не мёртвый. Над его койкой голографический экран – там мелькали красные линии, похожие на кардиограмму, только по-моему и не кардиограмму вовсе. Было тихо, очень тихо. Ни писка, ни шума, только негромкое жужжание где-то внизу, под полом, будто работает огромный энергоблок.

Я наконец набрал воздух в лёгкие. Голос мой прозвучал сипло:

– Привет, ты иммунный? Знаешь, что тут творится?

Мужик открыл глаза, посмотрел на меня, прищурился, будто решал, стоит ли отвечать.

– Ты первый раз, да? – наконец хрипло спросил он. – А то здесь палат много, бывает подселяют из соседних.

Я глянул на Фиалку – она приоткрыла глаза, посмотрела на мужика, на меня, снова на мужика.

Я машинально дотронулся до шрама, ощупал себя.

– Тут… – забормотал я, чувствуя, как по спине пополз холодок. – Тут что-то вынули из меня… Похоже какие-то органы…

Мужик коротко кивнул:

– Если есть шрамы, значит вынули. Полежишь недельку под капельницами, органы отрастут, еще что-нибудь вынут повторно, а может не повторно. Ты ведь в курсе, что находишься у внешников. Их тут много, работают быстро, чисто, будто в мясном цеху по разделке элитного скота. Здесь донорский блок, господа иммунные. Если есть шрам – значит элитный покупатель нуждался в новой почке, может печени, может легком. Не парьтесь – без части органов жить можно долго, особенно иммунным, да еще и под капельницами с их передовыми препаратами, сделанными на основе споранов и прочих продуктов Стикса.

Фиалка, не выдержав, тихо спросила:

– Ты давно здесь?

– Недели две, или три. Тут со временем всё странно: солнца нет, часов нет. Отметки рисовать на стене нечем, да и после очередной операции не сразу в себя приходишь после наркоза.

Посмотрел на сестру – в глазах у неё застыл страх. Но я знал одно – мы живы, нас снова разыграли в чью-то чужую игру. И если есть хоть какой-то шанс выбраться отсюда, хоть мельчайшая лазейка, мы должны её найти.

– Имена хоть помним? – спросил я, чтобы разрядить гнетущую обстановку в этой тишине под лабораторным освещением.

Фиалка кивнула: – Фиалка.

Я: – Букварь.

Незнакомец ухмыльнулся: – Сервис.

– Сервис, будем знакомы, а что за браслет у тебя на руке, у нас нет таких.

– А это наручник с сигнализацией. Я пытался сбежать, вот меня и приковали к койке.

– Подожди, разве здесь глушилки нет, которая дары глушит?

– Кроме даров бывает ловкость рук. У меня в своем мире был легальный сервис по взлому замков, так что опыт имеется.

– Есть вариант, – Сервис понизил голос. – Один я не смогу, но втроем вполне возможно провернуть. Санитар приходит менять утку каждый день. У него на руке тоже есть браслет, но он срабатывает на резкие движения, потерю пульса и прочие нестандартные ситуации. Это сделано для того, чтобы оповестить охрану комплекса на случай, если на санитара нападут доноры, но втроем мы сможем обмануть систему. Сестра твоя оглушит санитара сзади. Ты, Букварь, спереди подхватишь его, чтобы не упал, подтащишь ко мне, а я поменяю браслеты местами.

– А как же камера. Разве мы не находимся под постоянным наблюдением?

– Камеры здесь две штуки, под потолком, на двух противоположных стенах. Кусок простыни оторвёте, в утку мою промокнете и глазки камер залепите.

– Фууу! – скривилась Фиалка.

– Ну клея здесь нет, – усмехнулся Сервис. – Хочешь лежать дальше, чтобы раз в неделю у тебя органы вырезали, не могу запретить.

– После замены браслетов выбегаем в коридор и бежим к двери, ближайшей к выходу из коридора. У санитара есть бейджик, он же ключ-карта, подходит для всех дверей на этом этаже. Заходим в комнату, в которой они переодеваются, надеваем халаты и обязательно медицинские маски. Затем выходим из донорского отсека и сворачиваем в правый коридор. В конце коридора – грузовой лифт. Грузовой лифт поднимет нас на первый этаж. Сейчас мы на минус третьем этаже. Доноры – самый ценный товар, поэтому нас запрятали поглубже. На первом этаже находится пост охраны. В халатах и с бейджем мы должны пройти охрану без подозрений, но это не точно, – излагает свой план сосед.

Сервис не успел договорить, как сработал электронный замок на двери в нашу палату, и вошел санитар. Не смотря на меня с Фиалкой, привычной походкой он сразу направился к койке Сервиса. Как только санитар подошел к койке, я бесшумно опустился с койки на кафельный пол босиком. Между моей койкой и санитаром метра два, у Фиалки чуть больше. Я осторожно подался вперед, держась за его спиной. Почти одновременно босая Фиалка поднялась с кровати прихватив с прикроватной тумбочки графин с водой. Он пластиковый, но полный, тяжелый, силы удара должно хватить.

Санитар наклонился перед койкой, доставая утку из-под кровати. Я уже позади него, Фиалка тоже, с графином в руках. Всё делаем в одно движение. Фиалка замахивается графином по дуге и резко опускает его точно на затылок санитара. Тело начинает сгибаться. Я ловлю его за подмышки, моментально подхватываю, чтобы не грохнулся на пол и не выдал нас раньше времени.

Весит он немало, тяжелый слоняра, но адреналин делает своё дело – подхватываю, удерживаю, сдвигаю его тело боком в сторону койки. Тяжело, но что такое эта тяжесть по сравнению с перспективой второй раз попасть на стол к внешникам? Да ничто! Фиалка помогает – ловко придерживает его голову, чтобы не стукнулся.

Сервис уже готов. С помощью какой-то шпильки он свободной рукой одним быстрым движением снимает браслет со своей руки. Затем нащупывает на браслете санитара клипсу, щёлк – и браслет меняет владельца. Движения уверенные, быстрые; видно, что отработанные многократно. Всего полминуты – и браслеты поменялись местами. Санитар, повисший у меня на руках, уже прикован к койке другим браслетом, а Сервис торопливо застёгивает на себе санитарский браслет.

Втроем мы подняли оглушённого на койку. Обмотали простынями санитара вокруг койки, чтобы не смог быстро освободиться, если рано очухается. Так же не забыли вставить в рот санитару кляп из куска простыни.

Сервис уже у двери – его браслет синхронизируется с замком. Щёлк, дверь послушно открывается, сосед выходит первым. Я подхватываю Фиалку за руку, тихонько выходим следом. Коридор пуст, и только мерзкий белый свет освещает пространство.

Спина мокрая – но кажется, впервые за два дня моя жизнь наконец-то движется в сторону, которая зависит от меня, а не от тех, кто привык резать людей на опыты, как подопытных крыс.

Быстрым шагом дошли до нужной комнаты, дверь в которую открылась без проблем при использовании браслета.

Первым делом сняли с вешалок белые халаты, надели медицинские маски, перчатки. Обувь не нашли, но были бахилы, надели их. Пока мы с Фиалкой одевались в медработников, Сервис, порывшись в ящиках шкафов, нашел там бейджики. Их нацепили на халаты. Так как лица персонала в масках, камеры сканируют бейджики на одежде.

Полностью одевшись, вышли в коридор, освещенный холодным белым светом. Выйдя из донорского отсека, свернули вправо в коридор, ведший к грузовому лифту. Добрались до массивных дверей грузового лифта. По пути чуть не наткнулись на пару санитаров, но им было не до нас, они спешили по своим делам.

Сервис подошел к блестящей панели вызова лифта, прислонил к ней браслет. Секунда, две – двери с тихим шипением разъехались в стороны. Мы вошли в лифт, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не выдать себя лишний раз. Встали ближе к стенкам, повернулись к выходу, ожидая, когда двери закроются.

Сервис нажал на кнопку, двери закрылись с тихим шлепком, лифт тронулся, мы уткнулись взглядами кто куда.

Наш товарищ стал рассматривать какую-то инструкцию на панели лифта. Фиалка прислонилась к стене, равнодушно смотря на двери. Я направил взгляд на зеркальную панель в потолке: трое в масках, халатах, с ногами в бахилах, с бейджиками – вроде бы всё как у сотрудников комплекса, только сквозь бахилы просвечивают пальцы на ногах. Надеюсь, что камеры это не заметят.

Первый этаж нас встретил всё тем же вездесущим холодным светом. Вышли из грузового лифта чётко, без лишних суетливых движений. Сервис первый, за ним я, Фиалка последняя. Взломщик шёл уверенно, даже чуть нагловато; было видно, что здесь он не первый раз и понимает куда идти.

По единственному коридору быстро дошли до пункта охраны. Одна стойка с многочисленными экранами от камер наблюдения. За ней два охранника, без шлемов, значит воздух здесь еще фильтруется. Обернулся на Фиалку, она держалась максимально спокойно. Хотя маска скрывала большую часть лица, но только не глаза, бегающие по сторонам.

При нашем приближении один из охранников вышел из-за стойки и встал в проходе за рамкой металлодектора. Сервис подошел к стойке охраны, показал бейджик второму охраннику, шагнул в рамку. И тут я заметил взгляд, стоявшего за рамкой первого охранника, который сверху вниз скользнул на бахилы взломщика.

В следующую секунду Сервис уже стоял согнувшись с заломленной охранником рукой за спину.

– Фиалка, назад! – крикнул я, поворачиваясь к сестре и толкая ее обратно в сторону лифта.

Побежали к лифту, шурша и проскальзывая по скользкому кафельному полу бахилами. Сзади было слышно, как за нами топает второй охранник.

Подбегаю к лифту, ударяю по кнопке вызова, двери мгновенно открываются. Тогда я даже не задумался, что кнопка сработала на простое нажатие без ключ-карты. Забегаем в

кабину, створки закрываются прямо перед лицом охранника. Фиалка уже успела нажать на какую-то кнопку.

Через несколько минут лифт замедляется, двери раздвигаются, выбегаем в ярко-освещенный коридор. Мыслей в голове нет, есть только желание побыстрее где-нибудь спрятаться.

Дергаю одну дверную ручку – не идет, вторую – не поддается, третью настолько гладкую, что пальцы скользят – закрыто. Наконец в самом конце коридора, уже ни на что не надеясь, нахожу открытую дверь. Влетаем внутрь. Щелчок за спиной – дверь захлопнулась сама собой.

Перед нами предстало неожиданно большое пространство, словно заводской ангар или огромное серверное помещение. Лампы на потолке светят каким-то странным синюшным светом, всё вокруг переливается, мигает огнями. Тонкие панели с текущим в них мутным, непонятным веществом стоят вперемешку с серверными шкафами, стеллажами.

Не успеваем отдышаться, как снаружи взвывает сирена, такая противная, что закладывает уши. Фиалка молча дергает меня за рукав, показывая взглядом вглубь ангара. Бежим вперед между многочисленными стеллажами. Внезапно стеллажи сменяются пустым пространством с широкой и высокой металлической аркой. Пробегаем через неё дальше.

В момент, когда прошли арку, синий свет сзади моргнул и погас – одним коротким импульсом, как-будто кто-то дернул за рубильник. Мы замерли, прислушиваясь. Ни шагов за спиной, ни голосов, ни визга жуткой сирены, будто вся погоня осталась не просто в другой комнате, а вообще на другой стороне мира. Слышно было только собственное тяжелое дыхание и биение громко бьющегося в груди сердца.

Пару секунд мы с Фиалкой тупо таращимся на стены – что-то не так. Звуки исчезли полностью, мир за аркой отключился, остались только темнота и тишина.

Решили спрятаться у дальней стены, где громоздились ящики. Огромные, квадратные, набитые внутри неизвестно чем. Среди них были пустые карманы, где можно было укрыться.

Расположившись за баррикадой из ящиков, я начал осматриваться по сторонам. На преследование не было и намека, свет на потолке начал слабо мерцать (возможно включился аварийный источник питания). Здесь за аркой что-то было не так – воздух был чуть плотнее, немного тянуло озоном. В голове крутилось: а если нас затянуло в другое помещение? Может так сработала система безопасности, переместив нас в ловушку?

Я понимал, что пока мы не выйдем наружу, нельзя расслабляться. Можно только ждать: охрана может опоздать, может догадаться где мы, может устроить облаву с другой стороны. Я приоткрыл крышку ближайшего ящика. Аппаратура? Детали? Вскользь, на ощупь обнаружил непонятные гладкие панели. Закрыл ящик. Лезть глубже не стал.

Фиалка тихо выдохнула, посмотрела на меня.

– Ты слышишь что-нибудь? – прошептала она.

Я ненадолго задумался. А что я слышу? Только биение сердца. Только собственные мысли, сводящие с ума от неизвестности.

– Ждём, – шепнул я. – Не дёргаемся. Пока всё тихо – шанс есть.

Она кивнула, даже не усмехнулась, не отшутилась по привычке. Приняла тактику сдержанности, как и я. Мы оба сидели и чувствовали эту странную невозможность, в которой тишина могла значить не спасение – а нахождение в ловушке.

Время тянулось вязко, как резина, минута – как час. Прятаться, наблюдать, не шуметь и ждать – это всё, что мы могли сделать в данной ситуации. Стена сзади, впереди арка, и я ещё не понявший, что за её дугой – совсем другой мир.

Глава 2: Термит

Ещё раз проверив трос электролебедки, я вошел в слаговский туннель. Якорь вонзился в стену с глухим влажным звуком, словно пробил плотную оболочку живого организма. Материал, который поначалу показался твердым, поддался со странной легкостью, почти как резина, что вызвало легкое опасение.

Полумрак и зловещая тишина накрыли меня плотным покрывалом. Даже через фильтры спецкостюма ощущался странный запах – смесь органических летучих соединений, будто смесь аромата разлагающейся флоры и металла. Стены туннелей выглядели прямо-таки живыми. Под слоем чего-то, напоминающего как хитиновую оболочку, так и плотные ткани, происходили явные биохимические процессы.

Я осветил туннель мощным фонарем, и его луч разбился о пульсирующие структуры стен. В некоторых местах они были покрыты сосудистой сеткой, которая повторяла схемы капиллярного кровообращения известных нам существ. При каждом шаге мое оборудование фиксировало температурные изменения, словно я находился внутри гигантского организма, который дышал и жил собственной жизнью.

Тяжелые ботинки защитного бронированного костюма Крот-22 осторожно ступали по биомеханическому полу. Хлюпающие звуки сопровождали каждый мой шаг, проникая в мозг и вызывая неподдельное отвращение.

Свет фонаря, встроенного в шлем, то и дело натыкался на необычные биомеханические конструкции, которые проживали свою собственную жизнь. Казалось, что я нахожусь внутри существа грандиозного размера, а не в туннеле. Причудливые формы стен и потолка чётко напоминали органы и сосуды – они пульсировали, перекачивали неведомые жидкости и мерно вибрировали. Я не понимал, какие процессы здесь протекают, но ощущал их чуждость и опасность.

Нужно всегда помнить, что трос электролебедки – это моя линия жизни, возвращение к нормальному миру. Никогда не отпускать его и просчитывать заранее каждое действие.

В наушниках герметичного шлема донесся шорох, я замер. Экран тепловизора на стекле шлема показывал медленно движущуюся точку в ближайшем ответвлении туннеля. Я выключил фонарь и прижался к одной из стен, стараясь не шевелиться. Неожиданно из-за поворота высунулась голова ящерицы-мутанта, её глаза ярко сверкали в темноте.

Монстр замер, обнюхивая воздух. Я медленно поднял правую руку с дротикометом и прицелился. Дротик вылетел с тихим шипящим звуком, вонзившись в глазное яблоко существа. Оно дернулось в предсмертных судорогах, ища последнюю цель, прежде чем рухнуть на землю. Я медленно обошел мёртвую тушу, стараясь не наступать на лужу густой жидкости, вытекающей из раны.

Слабое пятно света на ближайшем выступе стены привлекло моё внимание. Биомеханические процессы двигались, как бы реагируя на мое присутствие. Я подошел ближе, разглядывая причудливые устройства, встроенные в сами стены. Внезапно я понял, что они изменяются, подстраиваясь под меня, анализируя мои действия.

На мгновение я буквально замер, загипнотизированный калейдоскопом биомеханических сплетений, артерий и проводов, пульсирующих жизнью, и не заметил, как ко мне почти подкрался новый монстр. Я обернулся, когда слаг уже вышел из бокового туннеля.

Это был гибрид молодого бычка с когтистыми лапами и какой-то инопланетной твари, покрытый серой, шершавой кожей. Монстр двигался медленно, взвешивая каждый шаг. Он чуть наклонил голову, готовясь к смертельному прыжку. В самый последний момент я успел направить руку с дротикометом на слага-охранника и выстрелить.

Первый дротик вонзился в бок бычка, но это лишь разозлило его. Монстр взревел, наполняя туннель оглушительным ревом. Я успел отшагнуть назад и уклониться от стремительного прыжка. Быстро прицелившись, я выпустил второй дротик уже более точно, метя в голову мутанта. Дротик попал в шею, но не остановил монстра. Мутант продолжал наступление, я отпрыгивал назад, иногда успевая выстрелить.

Через несколько минут таких шахмат гибриду удалось боднуть меня и повалить на пол узкого туннеля. Я чудом успел выхватить плазменный резак из кобуры на поясе, активировать его и полоснуть по шее мутанта. Резак заискрил, разрезая плотные ткани, на мой защитный костюм брызнула струя кислотной жижи, не нанося урона. Я успел откатиться в сторону за секунду до падения монстра. Тяжелая туша осела на пол туннеля, обреченно замерев.

Поднявшись на ноги, я отдышался и медленно пошел вперед. Через несколько минут туннель начал сужаться, стены покачиваясь, стали приближаться ко мне. Внезапно странный звук раздался из-под ног – пол затрещал и заходил ходуном. Я затаил дыхание, готовясь к худшему, как вдруг с потолка начали сползать длинные, извивающиеся формы, мокрые и плотные, похожие на огромных слизней.

Странных тварей было много. Мои выстрелы болтами пронзали их, но они снова собирались, сцепляясь и сжимаясь, охватывая меня всё плотнее и плотнее. Взмахи резаком давались с трудом и тоже не имели эффекта.

Огнемет! Это моя последняя надежда. Я поднял левую руку скафандра со встроенным соплом огнемета, обдавая слизней горящей волной. Мерзкие стоны тварей заполнили туннель, и они сгинули в адских муках.

Когда последние языки пламени погасли, воздух вокруг меня всё ещё пах горящей плотью. Сердце колотилось в бешеном темпе, а пот тёк вдоль спины. Я передохнул несколько минут, дольше оставаться на одном месте было нельзя, и продолжил путь по зачистке туннелей. Теперь передо мной был узкий вход в еще более узкий змеиный туннель.

Поверхность коридора слабо подсвеченного тусклым багровым сиянием, напоминала сросшиеся ребра какого-то чудовищного существа. Стоило сделать пару шагов вглубь коридора, как пространство вокруг ожило. Пол начал подрагивать, как мышечная ткань под кожей, стены задрожали, и ритмичное пульсирование пробежало по стенкам. Коридор начал предательски сужаться. Шаг за шагом стены сдвигались всё сильнее, и несмотря на массивный бронекостюм, я начинал чувствовать, как пространство пытается меня втянуть. Я вытащил плазменный резак, активировал его со злым шипящим звуком и направил горячий луч на одну из стен. Инструмент прорезАл стену с предупреждающим треском, капли расплавленной суб-

станции с шипением падали на пол, но организм быстро реагировал. Стена словно кричала безмолвным воплем, разрезанные ткани стремительно срастались, склеиваясь под напором неизвестных процессов. Материя будто перерабатывала любой нанесённый удар.

Я увеличил мощность резака, переводя его в критический режим. Яркая дуга света вспорола поверхность, из разреза моментально вырвался пар и пузырящаяся масса. Восстановление происходило быстрее, чем я мог прорезАть материал.

Вдруг силовой импульс биоматерии захватил мою руку, давившую на резак и стена сомкнулась вокруг моего запястья. Я с силой попытался вырвать руку, но стена лишь сильнее подалась вперёд, захватывая ещё плотнее. Резак застрял. Каждая попытка высвободить его приводила к новым, более плотным хваткам биологического туннеля. Наконец резак замер бесполезным металлом, впаянным в стену.

Змеиный туннель не остановился на этом. Он обхватил меня с такой силой, что стало трудно дышать. Пульсация теперь проносилась по поверхности стен, как сердцебиение чудовищной сущности. Тяжёлый трос лебёдки, прикреплённый сзади к моему бронекостюму, был последней надеждой. Я активировал мотор лебедки – гулкий рёв механизма раздался позади, трос начал натягиваться, но силы биомеханического коридора оказались непреодолимы, трос лопнул. В этот момент стены туннеля замерли на короткий миг, а я со всей силой дернулся назад, выпал из объятий стен, отскочил дальше и выскочил из узкого туннеля. По технике безопасности при обрыве троса нужно было покинуть туннели слагов, что я и сделал незамедлительно.

Выйдя на поверхность, завел квадроцикл и добрался до КБ-3 (капсула бытовая), находившейся на расстоянии около трех километров от входа в туннели.

Подъезжая к капсуле, просканировал округу на предмет подозрительных организмов, ничего не обнаружил, дистанционно открыл широкую бронированную дверь и неостанавливаясь заехал внутрь. Герметичная бронедверь с тихим шорохом опустилась за мной.

Теперь предстояло пройти дезинфекцию. Работа на планете, где воздух сам по себе является основным источником угрозы из-за вируса, требует соблюдения строгих мер по очистке. Из гаража я вошел в специальный отсек и был моментально обдут потоком дезинфицирующей жидкости. Процесс прошёл в привычной рутине – я стоял как статуя и пытался не двигаться. Струи жидкости скользили по скафандру, поглощая разрушающие элементы планеты, которые могли осесть на мне в ходе недавнего контакта со слагами. После завершения обязательной процедуры снял скафандр. Освободившись от громоздкой оболочки, ощутил своё тело более привычным и легким.

Пройдя в жилой отсек, первым делом принял душ, чтобы наконец смыть с себя пот после опасной работы в туннелях. Горячая вода смыла остатки недавнего стресса, оставляя только расслабляющее ощущение покоя.

Первым делом я должен был связаться с маяком. Мне нужно было починить лебедку и получить новый резак взамен утерянного. В целях безопасности в бытовых капсулах не хранилось запасное оружие и оборудование. Мое задание – полная зачистка туннеля, не было выполнено. Не зачистив весь туннель, я не мог вернуться обратно на Землю.

Сев за металлический стол в дальнем углу комнаты, включил терминал связи. Голубое свечение монитора разрезало темноту, заполняя помещение мягким светом. Я ввел пароль для входа в систему, включил микрофон.

– Маяк-17 это Термит, приём.

– Маяк-17 на связи, слушаю вас Термит. Судя по координатам, вы в десяти километрах от расположения маяка. Всё в порядке?

– Я только что выбрался из тоннелей, эти твари пытались разорвать меня на куски. В процессе оставил плазменный резак в туннеле, где он временно помог мне прорваться. А мой страховочный трос порвался, когда я пытался вытащить себя с нижнего уровня. Я в бытовой капсуле, но мне срочно нужно новое оборудование. Резак, трос и помощь в починке лебёдки. Мне нужно продолжить зачистку тоннелей. Что у вас есть для меня?

– Ваше положение зафиксировано, я понял вашу просьбу. Но должен предупредить, что в ближайшие часы в вашей локации начнется ураган. Если планируете отправляться ко мне по поверхности, могу гарантировать, что ураган либо вас похоронит, либо отправит в долгий полёт. Считаю, что вам нужно переждать в бытовой капсуле. Завтра, когда всё утихнет, сможете выехать в сторону маяка.

– Завтра? Завтра эти твари могут перестроить туннели так, что придется зачищать все заново, а от вас я слышу только слова о погоде. Вы можете передать мне оборудование сегодня, послать дрона или еще каким-нибудь способом?

– Вы явно недооцениваете масштаб надвигающегося урагана. Он не просто затрудняет передвижение или коммуникацию – он выводит из строя всё вокруг. Дрон не доберётся до вас. Вы находитесь всего в десяти километрах, но даже такая дистанция станет непреодолимым препятствием когда начнётся шторм.

– Понял, похоже у меня нет выбора, пережду до завтра.

– Примерно через десять часов можете выдвигаться Термит. Удачи завтра. Конец связи.

Вот и поговорили. Теперь можно было расслабиться. Надеюсь ураган не сломает мою капсулу.

Одна из стен капсулы была видео панелью. Я активировал ее и передо мной развернулась мозаика из далеких галактик. Единственный минус – здесь не было земных телеканалов. Никаких новостей, ток шоу, кричащих ведущих, репортажей с мест аварий, биржевых прогнозов и прочего. Была только коллекция записанных заранее видео. Каждое такое видео было пропитано спокойствием – от девственных лесов и необъятных земных океанов до захватывающих дух полётов сквозь космические туманности. Каждый эпизод было тщательно отобран и подан с таким мастерством, что я чувствовал себя частью этих путешествий, ассоциируя себя с каждым кадром фильма.

Когда визуальные образы окончательно увлекли меня, я почувствовал, что мой организм все же требует питания. Открыв холодильник, я нашел ряды тюбиков с синтетической едой напоминавшей гель космонавтов. Это была не та пища, которая бы стала достойной частью

сюжета о роскошном застолье, но свой долг поддерживать меня в трезвом уме и светлой памяти она выполняла исправно.

Я взял несколько тюбиков, придвинул к себе металлический стул и уселся за такой же металлический стол. Простота этой обстановки успокаивала меня. Я открыл первый тюбик и принялся медленно вытягивать из него густое содержимое.

Панель между тем переключилась на кадры с Земли. Там всё казалось таким знакомым и одновременно настолько странным, словно кадры показывали не Землю, а видение о том, какой она могла бы быть. Омытые дождём леса, цветущие поля, горы, притаившиеся в роскошной туманной дымке. Птицы, чьи крики не прорезают небо этой планеты; реки, тихо извивающиеся где-то далеко. Та планета, по которой я когда-то ходил, теперь становилась больше миражом, чем реальностью.

Я продолжал есть, пока уровень геля в тюбиках не упал почти до нуля. По телу разошлись удивительная лёгкость и спокойствие. Земля казалась такой же далёкой и недосягаемой, как звезды за пределами этой капсулы. И всё же каждая сцена на экране придавала мне уверенности в том, что впереди меня ждёт нечто великое и неизвестное. За просмотром видео, я не заметил как уснул.

Проснулся через несколько часов от сильного шума, гула, гудения за стенами капсулы. Казалось что еще немного и ураган вырвет капсулу из земли. За неделю пребывания на Марсиате мне еще не приходилось сталкиваться с капризами местной погоды. Смотритель маяка действительно не преувеличивал. Ураганы здесь были очень серьезные. От мощнейшего шума за стенами уснуть было совершенно невозможно. На соседней от видео-стены панели я нашел встроенный шкаф, в котором были беруши, видимо на такой случай. Но, как оказалось, беруши мало помогали. Вибрация всей капсулы передавалась через пол и уснуть уже не представлялось возможным. Я включил видео природы, заварил себе чай и начал смотреть увлекательные фильмы. Ураган закончился через несколько часов. Посмотрел на часы – можно было выдвигаться в путь.

Глава 3: Букварь и Фиалка

Времени прошло достаточно, чтобы понять, что нас никто не ищет. Ни сигнала тревоги, ни топота ботинок, только тишина. Мы переглянулись, не говоря ни слова, и решились – двинулись обратно к двери, из-за которой ждали погони. Странное было ощущение – вроде тот же ангар, тот же металлический запах, но что-то было не так. Вышли осторожно, едва приоткрыв дверь, чтобы не выдать себя.

Коридор встретил нас глухим полумраком. Светильники под самым потолком светили слабым, грязно-жёлтым светом, похожим на дежурное освещение. Хотя совсем недавно все коридоры комплекса были залиты резким белым светом. Мы двинулись вперёд, переглянулись ещё раз – в её взгляде читалась напряжённость, но ни капли паники; молодец, держится.

Прошли мимо нескольких дверей – большинство закрыты, как и раньше. Только непривычный гул вентиляции, будто в центре комплекса нечто огромное медленно дышит. Вдруг впереди в полумраке коридора я увидел пятно света, падающее на пол из открытого дверного проема.

Мы переглянулись, я осторожно двинулся первым – мало ли, какая ловушка там внутри. Замерли в проёме, осмотрелись. Комната, на первый взгляд, стандартная для комплекса: металлические шкафы, пара кушеток вдоль стен и странная футуристичная аппаратура.

– Ты не замечаешь, что везде пусто? Минут двадцать назад тут носились санитары, охранники, выла сирена, камеры на каждом шагу, – тихо спросила меня Фиалка. – Я вот думаю, а мы точно вернулись туда же? Может, мы вообще вышли не в том комплексе. Когда через арку проходила, тянуло от неё чем-то чужим, инопланетным, холод прямо к сердцу подступил.

– Да Фиалка, согласен с тобой. И еще когда по коридорам бежали, аж глаза резало от яркого света, а тут везде полумрак – лампы еле светят. Да и запах совсем другой, не чувствуется стерильность, – поддержал сестру.

– Я думаю – это не та станция, – согласилась Фиалка. – Не тот комплекс. Тут и контейнеры другие – вон смотри, номера на них все потертые, а на наших четкие, новые были. Тут же всё не так, даже звук эха от шагов не такой.

– Если это не наш комплекс, то где мы тогда? Здесь всё не так. Даже проводка по стенам снаружи идет, а там её не было, видишь? Тут панели на стенах окислились, а на наших были все новенькие. Как будто мы шагнули в прошлое этого комплекса, или в какой-то его призрачный двойник, – начал развивать я теорию.

– Думаешь, арка – это телепорт? – озвучила догадку Фиалка.

– Думаю да.

Мы переглядываемся, молча. Кажется, даже лампы впервые за последние минуты перестают мигать, словно слушают, что мы выберем: вернуться или шагнуть навстречу неизвестному.

– Назад идти точно не вариант, будем искать выход. Так понимаю, что это база внешников в их мире, идём, – я выдыхаю, беру сестру за руку. – Если это новый дом, то лучше он, чем донорский отсек.

Фиалка кивает, и мы, почти не дыша, выходим в тёмный коридор.

Пройдя по изгибающемуся коридору метров сто, нашли еще одну открытую дверь. В этот раз похоже повезло. У дальней стены за толстым стеклом висело шесть футуристичных скафандров серого цвета.

На стекле слева – панель управления, сенсорная. Филка провела пальцем по панели. Та засветилась мягким голубым светом, и с шипением стеклянная дверца ушла в бок в стену.

Я снял ближайший костюм с вешалки, тяжелый. Материал гладкий, почти как кожа; податливый, как ткань, и в тоже время прочный. Я покосился на сестру – та уже держала второй, осматривала. Серьёзно так, не как девчонка с модным шмотом, а как специалист, перед которым непонятная, но потенциально полезная вещь.

– Думаешь, стоит? – спросил Фиалку, сомневаясь в затее.

– Думаю, да! – Она уже запрыгнула в костюм, точнее, сунула ногу внутрь. Он сам начал подстраиваться, обволакивая тело с тихим звуком – как будто вакуум запечатывался.

Я не стал тянуть, тоже влез в скафандр. Первое ощущение – тепло, костюм буквально обтянул тело, и я почувствовал, как он сканирует меня: импульсы по коже, легкое покалывание. В голове что-то щёлкнуло, и перед глазами возникли индикаторы – прозрачные, ненавязчивые, но чёткие. Температура. Давление. Анализ окружающей среды.

– Это нейроинтерфейс, – раздался в моём шлеме голос Фиалки. – Он цепляется за нервную систему.

– Откуда ты все занешь? – удивился я.

– В фильмах видела, – последовал ответ.

– А как ты со мной связалась?

– Наверное связь в скафандрах автоматически привязана друг к другу.

– Понял, тоже в фантастических фильмах видел, – усмехнулся я.

Костюм подогнался окончательно. Я сделал пару движений – полная свобода. Сзади что-то щёлкнуло, в шлеме загорелась внутренняя подсветка.

– Костюм готов к эксплуатации, – проговорил приятный женский голос внутри шлема.

Я посмотрел на Фиалку. Она глянула на меня через легко тонированное забрало шлема. Кивнула. Без слов стало ясно – теперь мы в игре. И если эти костюмы – не ловушка, а подарок… значит, Стиксу очень надо, чтобы мы выжили.

Скафандр сидел как влитой. Не давил, не мешал двигаться, и вообще ощущался скорее как вторая кожа, только гораздо прочнее и технологичнее. Внутри – сухо, комфортно, воздух свежий, с каким-то ненавязчивым металлическим привкусом.

На Фиалке костюм тоже смотрелся органично. Мы оба теперь выглядели, мягко говоря, не как бедолаги-доноры, а как профессионалы своего дела. Высокотехнологичный костюм с защитой от агрессивной среды, интерфейс в шлеме с многочисленными опциями. Фантастика, одним словом. Ну да, если тебя закинуло на другую планету с технологиями внешников, то фантастика – это уже бытовуха.

Активировал интерфейс – на внутреннем дисплее появилось множество иконок. Все иконки интуитивно понятны. Активировал иконку с изображением карты. Что интересно – на карте были отмечены две фигурки, похоже наши. Значит, костюм не просто активировал интерфейс, а интегрировал нас в систему. Видит нас как техперсонал. Отлично.

Судя по карте, ближайший выход через главный шлюз. Но перед ним – пост охраны. Идти туда напрямую – самоубийство. Но у нас теперь козырь: костюмы не простые, рабочие, технические, с доступом, возможно с идентификацией. Надо проверить.

Пошли по тоннелю медленно, но уверенно. Линия на карте подсвечивалась зелёным – значит допуск имеется. В стенах по бокам вспыхивали сенсоры – датчики движения, контроля доступа, тепла. Ни один не сработал на тревогу. Сканеры реагировали, принимали.

Минут через пятнадцать перед нами появился вход – широкий, высокий, с ребристыми колоннами по бокам, как будто портал. Вверху над ним бежал ряд символов. Женский голос ИИ тут же озвучил: Контроль допуска. Безопасность уровня три. Автоматический надзор активен.

– Приехали, – пробормотал я. – Идём аккуратно.

Мы шагнули внутрь.

С обеих сторон ниши, в них турели – тонкие, похожие на хищные жала конструкции, слабо вибрирующие в воздухе, наведённые на нас.

– Стой, – сказал я, и мы замерли.

В этот момент панель на стене загорелась. Зеленовато-жёлтая вспышка прошлась по нам. Женский голос внутри шлема шепнул: Синхронизация данных разрешена. Доступ – Техник второй категории. Проход разрешён. Следуйте по коридору.

И в этот момент турели заехали внутрь ниш.

– Он нас пустил, – сказала Фиалка, тихо, словно боялась спугнуть.

Я кивнул. Проход открылся. Створки почти бесшумно задвинулись в стены. За ними – ещё один коридор, шире, выше. В конце – свечение, не электрическое, естественное, солнечное.

Мы шагнули дальше. Я ощутил, как скафандр плотнее облегает ноги, подстраивается, готовится к переходу.

Вдруг слева – движение. Я рефлекторно повернулся. Там был дрон, не военный, рабочий. Тонкий, трёхлапый, как паук. Он скользнул по стене и остановился рядом, подняв один из манипуляторов. Направил его на нас. Секунда – и вспышка света.

– Сканирует, – сказала Фиалка. – Проверяет костюмы, нас.

Я застыл. Хотел сказать беги, но сдержался. Это был рефлекс старого мира. А здесь – другие законы.

Скан завершился. Дрон повис в воздухе, слегка покачиваясь. И… передал сигнал. Я его не услышал, но скафандр отозвался вибрацией.

– Идентификация подтверждена. Перемещение зарегистрировано. Маршрут авторизован. Пожалуйста, соблюдайте протокол безопасности, – сообщил мне приятный женский голос в шлеме.

Мы прошли не спеша. Как будто так и надо. Как будто всю жизнь тут работали, техниками, инопланетными.

В конце коридора был шлюз. Огромный, двойной. Когда подошли, скафандр подал команду сам. Створки разошлись.

Я сделал шаг вперёд. Ветер встретил нас сразу, как только мы вышли из шлюза. Воздух снаружи был серый, с подвешенной в нём пылью или песком; с мелкими, колючими частицами, бьющими в стекло шлема.

Посмотрел вперед. Горизонт размытый. Пасмурно. Два светила в небе пробивались сквозь пелену облаков. Одно больше, тусклее. Второе – меньше, но белее и злее. Оба не греют. Ветер дует с юго-востока, 126 градусов, сильный. Скорость – тридцать пять метров в секунду. Порывы – до пятидесяти. Показывал индикатор в шлеме.

Я опустил глаза на внутренний дисплей. В верхнем левом углу – доступ к картографической системе, базам данных и навигации. Удобно. Нажал пару команд взглядом – интерфейс реагировал на направление взгляда и моргание. Не сразу привык, но работало точно.

Появилась карта. Радиус – пятьдесят километров. Населённых пунктов нет, баз нет. Только один крупный маркер. Иконка круглая, светится мягко-голубым. Навёл взгляд – всплыло описание: МАЯК. Тип: Транспортно-навигационный узел. Статус: активен. Обслуживание: периодическое.

– Есть точка, – сказал я в микрофон. – Маяк. В тридцати километрах.

Фиалка кивнула. Я почувствовал это, даже не оборачиваясь.

Я снова обратился к ИИ скафандра:

– Построить маршрут до маяка.

– Маршрут построен. Дистанция: 30,3 км. Рельеф: преимущественно ровный. Влияние погодных условий: неблагоприятное. Прогнозируемое время в пути: 11 часов 42 минуты при пешем передвижении. Рекомендуется использование транспорта.

Логично. Одиннадцать часов по пыли, песку и ветру – при условии, что никто не нападёт, не сорвёт шлем, не упадёт давление, не сядет аккумулятор.

– Какие варианты транспорта?

ИИ не замедлила с ответом:

– В Комплексе-206 имеется отсек наземной технической логистики. Модель: квадроциклы Вектор-12. Местоположение: справа от основного шлюза, за внешней перегородкой. Количество доступных единиц: 6 штук.

– Там есть квадроциклы, – сказал я в канал. – Пойдём обратно. Не хочется, но других вариантов у нас нет.

Мы обошли ворота главного шлюза и через метров пятьдесят нашли небольшие ворота транспортного отсека. Панель управления была справа в углублении стены под защитным козырьком, полузанесённая серым песком. Я приложил руку. Щелчок. Сигнал – скафандр авторизован как технический. Повезло. Дверь с шипением поднялась вверх.

Внутри – четыре квадроцикла. Черные, обтекаемые, массивные.

– Работают? – спросила Фиалка, подойдя к ближайшему.

Я подошел к соседнему, активировал бортовой интерфейс.

– Заряд 87 процентов – высветилось на дисплее.

– Нажми на большую красную кнопку, – сказал ей.

– Заряд 90 процентов, – последовал ответ в шлеме.

– Поехали, – сказал я. – Пока погода не стала ещё хуже.

Мы выкатились из ангара и сильный ветер сразу встретил нас.

– Построить маршрут до маяка, – дал указание ИИ.

– Маршрут построен, – тут же последовал ответ женским голосом и перед моими глазами началась прорисовка маршрута.

Мы ехали по маршруту, держась в пяти метрах друг от друга. Даже ближе. Я иногда поглядывал назад – Фиалка держалась крепко, сосредоточенно.

Тридцать километров, кажется немного, но на этой планете это были тридцать километров ада. Песчаные воронки, странные остовы на горизонте, тени – не от облаков, а от каких-то летящих тварей, или дронов.

Разок пришлось остановиться – под нами начинал вибрировать грунт. Что-то под землёй. Мы замерли, не двигаясь, минут на десять, потом утихло. Я не стал предполагать, что это было, на это не было времени.

Счётчик километров отсчитывал последние метры, когда ветер с песком сменил угол, и я увидел впереди очертания чего-то большого.

Маяк представлял собой монолитное здание из темного, почти чёрного материала без единого окна. Поверхность рельефная, покрытая массивными бронепластинами, каждая из которых перекрывала другую. Трапециевидное основание скошено под углом – видимо, чтобы отклонять воздушные потоки. Верхняя часть уходила вверх под углом – метров на двадцать, а то и больше. Никакой эстетики – только функционал. На вершине маяка мигали огни. Наверное, все-таки на этой планете был еще и летающий транспорт.

Мы заехали на ровную площадку перед входными воротами. Я дал команду ИИ установить контакт с маяком. Повисла долгая пауза. Вдруг по позвоночнику пробежала то ли пульсация, то ли вибрация.

В шлеме прозвучал мужской голос ИИ маяка: Авторизация предварительная. Персонал технического обеспечения. Приветствие. Вход возможен. Подтвердите биометрический шаблон.

ИИ моего костюма отработал молча. Автоматически. Без команды. Через секунду над воротами вспыхнула треугольная метка и сразу погасла. Ворота медленно начали расходиться в стороны. Мы заехали внутрь.

Хлопок герметичного замка и створки закрылись за нашими спинами, окончательно отрезав нас от серого ада за воротами. Пыльная буря осталась по ту сторону толстенных стен, а внутри воцарилась гнетущая тишина, даже не тишина – вакуум.

Свет в гараже был ровным, искусственным, с бледно-синим оттенком. Где-то под потолком загудели вентиляторы, прогоняя остатки внешней атмосферы.

Мы остановились, переглянулись. В шлеме щелкнул микрофон, заговорил голос местного ИИ:

– Снимите защитные скафандры. Пройдите в боковую дверь справа.

Я бросил взгляд на Фиалку, она кивнула, не говоря ни слова. Мы оба устали. Физически. Психологически. Хотелось уже быстрее попасть внутрь.

Скафандры с шипением расстегнулись, мы освободились от них и остались в больничной одежде. В нос ударил странный, чуть сладковатый запах – стерильный, чужеродный, слишком чистый, словно дезинфицированный настолько, насколько это вообще возможно.

Дверь справа отъехала в сторону, открывая проход в освещённый тоннель. Стены гладкие, без швов, металл с полупрозрачным напылением.

В помещении, куда нас привёл ИИ, было пусто. Просто комната с гладкими стенами, потолком и круглым подиумом в центре. В потолке над подиумом какие-то линзы, глазки камер, датчики.

Голос раздался снова:

– Разденьтесь. Встаньте в центр для сканирования.

– Ты уверен, что нам это надо? – прошептала Фиалка.

Я кивнул. Выбора не было.

Мы сняли остатки одежды, зашли на платформу. Свет погас, а затем – вспышка. Лучи пошли по периметру, сканируя нас сантиметр за сантиметром. В теле дрожь – не от холода, от ожидания. Что найдёт эта адская машина?

Потом – тишина.

– Завершено, – сказал ИИ. – Обнаружены признаки заражения. Вирус активен в обеих особях. Доступ к объекту Маяк-17 заблокирован. Вам необходимо покинуть помещение. Немедленно.

– Чего? – выдохнул я.

– Это какая-то ошибка, – возмутилась Фиалка.

– Сканирование подтверждено. Вы носители. Параметры несовместимы с протоколами безопасности.

– А лечение? – спросил я, чувствуя, как внутри всё сжимается. – Ты можешь вылечить?

– Недостаточно данных. Удаление заражения невозможно в условиях текущей локации. Повторяю: доступ заблокирован.

В центре потолка загорелся красный индикатор. Пол под нашими ногами начал вибрировать. Комната буквально выталкивала нас из себя.

Мы молча оделись и вернулись в гараж.

– Что теперь? – Фиалка смотрела на меня.

– Выходить обратно в песчаную бурю – не вариант. ИИ выгнать нас из гаража не может. Если бы мог, то уже бы выгнал. В любом случае ураган надо переждать. Я видел сигнальные огни на вершине маяка, думаю им пользуются местные работники и рано или поздно кто-то кроме нас сюда заявится. Попробуем у них узнать куда еще можно податься.

Глава 4: Термит

Хрустнул болт. Глухо, почти не слышно, но я это почувствовал через перчатку. Осторожно вывернул остатки, проверил корпус привода – цел. Открутил, заменил, закрепил. Почти всё. Осталось проверить напряжение на приводе, и можно будет наконец-то вернуть лебёдку в строй. Без неё в следующий рейд никак нельзя. Спускаться в узкие, противные туннели, где тебя может схватить одна из местных тварей… Нет уж, увольте. Я, конечно, зачистчик, но не самоубийца.

Гудение из-под пола слегка изменилось – это система жизнеобеспечения маяка перешла в экстренный режим. Значит, снаружи опять шторм. Может, третий за последние сутки. Климат тут, мягко говоря, не для пляжного отдыха. Песок, пыль и ветер, от которого гудят плиты корпуса, как дьявольский орган. Хорошо, что я внутри.

– Термит. Внимание! – предупреждающе прозвучал голос ИИ маяка. Чёткий, с синтетической вежливостью, которую сразу же начинаешь ненавидеть, как услышишь. – В тамбуре первого уровня обнаружены два человека. Скафандры обслуживающего персонала. Идентификация не подтверждена. Проведён медицинский скан. Результат: заражение нестабильным вирусным агентом неизвестного происхождения. Пропуск на территорию маяка запрещён. Повторяю – запрещён.

Я застыл, не выключая паяльник.

– Что за персонал? – спросил я вслух, не особо надеясь, что ИИ мне ответит по-человечески.

– Сигнатуры жизнедеятельности соответствуют биологическим параметрам человека. ДНК-маркер: частичное совпадение с видом Homo sapiens. Нарушение структуры на молекулярном уровне. Вирус. Вход запрещён.

Я выругался про себя. Смысла переубеждать маячный ИИ не было. Если он поставил запрет, значит не сдвинешь его с места. Алгоритм жёсткий. Защита маяка от заражения стоит на первом месте, все остальное на втором.

Поднялся, отложил инструменты, подошел к стене с мониторами.

– Смотритель, покажи изображение из тамбура, – попросил я ИИ.

Перед глазами появилось зернистое изображение с камеры. Два человека – парень и девушка. Обе фигуры в серых скафандрах, с чужой символикой – не нашей, не зачистки. Модель костюмов я узнал – их использовали на обслуживании внешних антенн ретрансляторов. Но лица… Лица уставшие. Не новички. Не туристы.

– Система ошиблась? – спросил я вслух, хотя уже знал ответ.

– Вероятность сбоя анализа: менее 0.002 процента, – парировал ИИ. – Запрет на вход остаётся в силе. Угроза заражения – критическая.

Сел на кресло перед панелью управления. Закрыл глаза. Надо подумать.

Если они заражены, то их надо изолировать. Таков протокол. Таков закон. Даже если они не виноваты. Даже если просто попали в зону заражения и не знали об этом. Мы все знали, на какую планету подписались, когда проходили инструктаж на Земле. Каждый. Я знал, они знали.

– Термит, – вновь вмешался ИИ. – Предупреждение. Открытие внешней гермодвери будет расценено как нарушение протокола безопасности. Наказание – отзыв допуска и изоляция.

Прекрасно. Вот и выбор.

Сделать по-человечески – или по инструкции?

Я посмотрел на монитор с изображением из тамбура. Парень поднял голову. Словно чувствовал, что я смотрю. Встал ближе к камере и жестом показал на себя, потом на девушку. Сложил руки в молитвенном жесте.

– Термит, – снова заговорил ИИ. – Повторяю: не открывайте гермодверь. Запрещено.

Я молчал. Решение было моим. И никто, кроме меня, за него не ответит.

Вдруг мои мысли прервал грубый мужской командный голос из динамика:

– Маяк-17, говорит группа зачистки Копьё-2. Мы у внешних ворот. Четыре человека, уровень доступа – Первый. Запрашиваем вход.

ИИ ответил не сразу. Знаю я этот его приём – считывает параметры, проверяет логи, разгоняет симуляции. Потом голос, ровный и холодный, как консервированный труп в морозильнике:

– Доступ отклонён. Внешние ворота заблокированы. Обнаружено биологическое заражение вирусом Е-78 у двух человеческих особей в санитарном тамбуре. Протокол Блокада-РК активирован. Вход внутрь запрещён.

– Повторяю, у нас Первый уровень доступа! – настаивал тот же голос. – Ты не имеешь права отказать!

ИИ выдержал паузу.

– Протокол аварийной изоляции имеет приоритет над служебным доступом. Маяк-17 перешёл в автономный режим. Все шлюзы закрыты. Все системы наружной связи ограничены. Доступ невозможен.

– Твою мать… – прошипел кто-то в эфире. – Мы тут не туристы. У нас, в конце концов, максимальный допуск. Какая ещё нахрен изоляция?

Я молчал, прислушиваясь. Не вмешивался. Мне было интересно, как долго протянется этот диалог.

– ИИ, – голос сменился, теперь говорил кто-то другой. Голос спокойный, даже слишком. Холодный, как у хирурга. – Мы знаем о двух техниках в тамбуре. Подтверди.

– Подтверждаю, – ответил ИИ. – Один мужчина, одна женщина. Идентификаторы не зарегистрированы. Биоскан выявил признаки вирусного патогена. Внутренние двери заблокированы. Контакт невозможен.

– Они живы?

– Пока – да.

– Тогда открой наружные ворота. Мы займёмся зараженными. У нас с собой автономный модуль дезинфекции. Мы можем полностью зачистить тамбур.

ИИ замолчал.

– Повторяю запрос, – сказал голос хирурга. – Открой наружные ворота. Код авторизации: Омега-Семь-Прайм-Ноль. Передаю ключ шифрования.

Секунда. Другая.

– Доступ отклонён. Шифр недействителен. Протокол Блокада-РК не может быть отменён вручную до завершения карантинного цикла или подтверждённой ликвидации заражённых.

– Сука, – выдохнул мужик в динамике. – Он нас динамит.

– Я вас слышу, – отозвался ИИ.

– Да пошёл ты, – отрезал он. – Думаешь, мы сюда просто так приперлись в такую бурю?

Я почувствовал, как по позвоночнику ползёт тревога. Эти ребята были серьезно настроены. Если ИИ не пустит их, они могут начать ломиться силой. А у них, судя по голосу, были с собой и средства, и намерения.

Я включил личный канал с ИИ.

– Смотритель, – сказал я тихо, – ты уверен, что они тоже заражены?

– Не могу подтвердить. Протокол действует на основе угрозы от уже установленных заражённых.

– А если они попытаются прорваться?

– Я могу только заблокировать все двери и подать сигнал тревоги на главную станцию. На маяке нет боевых турелей. Так же у меня нет прав причинять людям вред.

– Отлично… – пробормотал я, отключая связь.

Что ж. Маяк стал клеткой. Кто-то внутри. Кто-то снаружи. ИИ параноик. Люди злятся. А я стою посреди всего этого дерьма с наполовину разобранной лебёдкой.

Хреновый день. Даже по местным меркам.

Буря усиливалась, видимость становилась хуже с каждой минутой. Я посмотрел на мониторы внешних камер, приблизил изображение.

Перед маяком стояли два багги. Первый припарковался на площадке у самых ворот. Второй стоял чуть поодаль, развернувшись в противоположную сторону от маяка, освещая округу мощными фарами на крыше.

Это были явно не туристические багги. Армейские, усиленные, бронированные. Обвешаны, как новогодние ёлки, только вместо мишуры – стволы, антенны, контейнеры с дронами и оборудованием.

В каждой багги – по два бойца в чёрных матовых бронескафандрах. Ни каких опознавательных знаков, ни эмблем, ни шевронов.

Вдруг из первого багги наружу вылез один боец. Не торопясь. Без спешки. Как человек, который точно знает, что ему никто не помешает, или не осмелится, он подошёл к задней части машины, открыл боковой контейнер. Достал из него плазменный резак. Крупный. Промышленный. Подключил его силовым кабелем к блоку питания, находящемуся там же, и пошел к воротам маяка.

– Визуально подтверждено: плазменный резак модели Вектор-29, – сообщил ИИ. – Потенциальное нарушение целостности шлюза через восемь минут.

И тут я вспомнил, что хотел освободить пленников из тамбура первого этажа. Парень и девушка. Не солдаты. Гражданские или что-то вроде того. Техники? Учёные? Да и пофиг. Главное – ИИ просканировал их и нашёл вирус. Не сказал, какой. Просто – вирус обнаружен, угроза заражения, двери заблокированы. Всё.

Теперь я знал, что надо делать. Никаких сомнений. Если ликвидаторы, или кто они, зайдут внутрь – всё. Сейчас ИИ их не пускает, но это временно.

И я двинулся вниз. Миновал узкий коридор, почти бегом спустился по лестнице, пролетая ступени. На каждом пролёте – тусклый свет, металлический скрежет, вибрации маяка. Снизу доносились глухие удары – парень из шлюза, видимо, пытался сигнализировать. Или просто не выдержал. Неважно.

Подошёл к аварийной панели. Открыл крышку. Внутри – кнопка. Красная. Экстренное открытие. Одноразовая штука. Как пуск ракеты. Раз – и назад дороги нет.

Внезапно в динамиках заговорил ИИ. Тихо. Без эмоций.

– Зафиксирована попытка нарушить протокол изоляции. Предупреждение: вирус идентифицирован как потенциально агрессивный. Контакт с заражёнными запрещён. Ваши действия приведут к блокировке всех внутренних систем управления.

Внезапно меня осенило:

– Смотритель, мой скафандр оснащен системой фильтрации воздуха. А если я его надену и только после этого открою дверь?

– Если бы снаружи не было попытки проникновения внутрь, наличие надетого скафандра не являлось бы уважительной причиной, но сейчас ситуация не такая. Можете надеть костюм. После активации вашего скафандра я сам открою зараженным дверь. Ожидайте у входа.

Двери разошлись в стороны. Из тамбура вышли двое в скафандрах техников.

– На второй этаж, живо! – скомандовал я и побежал по ступеням первый.

Они даже не спросили кто я или почему, просто рванули за мной вверх по лестнице.

На втором этаже компактно: диспетчерская, выход на техбалкон, две консоли, доступ к вентиляции, лестница и резервный отсек с оборудованием. Чуть тесновато для троих, но выбора нет.

– Сюда они полезут, как только прорежут вход в нижнем шлюзе, – я показал зараженным на лестницу.

Открыл дверь в резервный отсек. Взял один из запасных лебедочных тросов. Натянули с парнем быстро, примерно на уровне голеней у входной арки. Надёжно закрепили. Кто пойдёт первым – запнётся. Второй – потеряет темп. В этот момент и бить.

Залез в шкаф с запасным оборудованием, взял второй плазменный резак. Проверил блок питания – половина заряда, хватит.

– Держи, – передал парню. – Жать на рукоятку только когда видишь цель. Батарея быстро расходуется.

Он кивнул. Девушка всё это время молчала. Потом вдруг рванула к одной из панелей и спряталась за ней. Я только кивнул. Грамотная. Угол хороший. Обзор – почти весь сектор у входа. Если что – прикроет. Она держала в руках газовый ключ. Не супер оружие, но лучше, чем с голыми руками.

– Смотритель, глуши всё. Свет, экраны, вспомогательные системы. Полный мрак. – приказал ИИ.

– Подтверждено, – последовал ответ.

Погасло всё. Маяк будто умер. Остался только слабый свет интерфейса внутри моего шлема. Сердце стучало где-то в районе ушей.

Снаружи треснул металл. Пошли. Я глубоко вдохнул через воздушный фильтр. Внизу послышались шаги. Я поднял резак, активировал. Тусклый свет прошёл по корпусу. И сразу же выключил, чтобы не выдать себя в темноте раньше времени. Сильнее сжал рукоятку инструмента.

Тишина была мёртвой. Освещение я отключил полностью. Не просто приглушил – обесточил сеть. Внутри маяка теперь только темнота, как в пасти мёртвого кита. Я знал, что у них ночники, возможно и тепловизоры. Значит, обычный полумрак нас не спас бы. А так максимум, что они видят, очертания, контуры, динамику. Этого мало, очень мало, когда у тебя всего несколько секунд и правильное место.

Мы затаились у входа на второй этаж. Я с левой стороны, чуть в углублении за переборкой. Справа парень, которого я впустил вместе с девушкой.

Между нами, в проёме у входа на второй этаж – трос. Стальной. Натянутый низко, чуть ниже колена, его почти не видно в полной темноте. Трос даёт нам маленькое преимущество. Иногда и этого достаточно.

Подружка парня затаилась за консолью внутри комнаты. Газовый ключ в руке. Главное – внимание. Секунда замешательства может стоить жизни. Их или нашей.

Звуки шагов приближались. Тяжёлые, с металлическим эхом. Они поднимались. Первый уже был у входа. Поднял винтовку, но не выстрелил – осторожничал. Правильно делал. Только это его и сгубило.

Он не заметил трос. Запнулся. Сначала замедлился, потом полетел вперёд. Массивный, тяжёлый, как кусок бронированного мяса.

Я рванул из-за стены, включая резак на ходу. Плазменный клинок вылетел с коротким шипением. Сверху вниз, прицельно. В каску. Соприкосновение – моментальное свечение, разрез, запах расплавленного композита. Не броня – масло. Шлем треснул, как скорлупа. Он дёрнулся, задрожал – потом рухнул окончательно.

Сзади второй. Реакция молниеносная. Взмах винтовкой. Но вместо выстрела – преграда. Тело напарника. Он споткнулся, удержался, но этого оказалось достаточно.

Тут же – движение сзади. Я краем глаза увидел, как что-то летит. Звонкий звук удара металла по полу. Газовый ключ. Мелочь. Но второй ликвидатор дёрнулся на этот звук, перевёл внимание. И это было всё, что требовалось.

Парень вышел из тени с правой стороны. Просто шаг вперёд – и рубящий удар. Плазма прошла по каске, как по вате. Визг расплавленного металла, всплеск огня – и всё. Второй ликвидатор обмяк, завалился назад, распластавшись рядом с первым.

Я сделал шаг назад, глядя на два тела. В темноте это были всего лишь черные безликие силуэты. Только оружие у них было слишком хорошее. Последние модели винтовок, принятых на вооружение космодесантных войск.

– Чисто, – сказал я.

Молчание. Потом – звук дыхания. Парень тяжело выдохнул. Девушка вышла из укрытия.

– Мы это сделали, – прошептала она. Словно боялась спугнуть удачу.

– Пока да, – кивнул я. – Но сомневаюсь, что их будет только двое. Скоро подоспеет подмога.

– Смотритель, включить полное освещение. Станцию – в стандартный режим работы, – скомандовал я ИИ.

– Принято, – сухо ответил ИИ.

Лучи от светильников, встроенных в потолок, хлынули в помещение, заливая пространство ярким светом. Плазменные ожоги на стенах, капли крови на полу – всё в деталях, как на патологоанатомическом столе. Мониторы засветились, панель управления ожила. Всё в норме.

Я стоял, тяжело дышал. Адреналин медленно, как кисель, отступал из крови. Это нормально. Боевая фаза прошла, теперь осмотр трофеев.

Подошёл к первому поверженному ликвидатору. Чёрный скафандр Аспис-5, армейская модификация. Мой резак сделал своё дело. Шлем срезан сбоку, внутрь залетели куски оплавленного металла. Внутри – месиво.

– Проверь второго, – бросил я через плечо. Парень кивнул. Он уже был рядом со вторым.

Скафандры хороши. Очень хороши. Полнокомплектные, с внешними генераторами поля, раздельной подачей кислорода, запасом на сутки минимум. Но смысла в них теперь не было. Пробитый шлем – это приговор. На поверхности этой планеты серый песок, мелкий, как пыль, проникает везде. Один вдох – и лёгкие станут как наждак. Кровавый кашель, судороги – и через минуту ты уже корм для хищных бактерий, если ветер не унесёт тебя раньше.

Без шлемов скафандры бесполезны, зато есть еще винтовки.

Плазменные винтовки последней серии ОЦ-23ПП Гефест. Автономный мини реактор, регулировка мощности импульса, встроенная стабилизация. Приклад подстраивается под плечо стрелка, прицельная система совмещается с любым интерфейсом. Такой у меня ещё не было. Таких и у большей части колониальной гвардии не было. Это оружие космодесанта. Ликвидаторы. Последний аргумент корпораций.

Проверил обе винтовки на работоспособность. Одну взял себе, вторую протянул парню. Он удивлённо поднял брови.

– Пользоваться умеешь?

– Нет, но попробую, – коротко ответил он.

– Только не сожги мне спину, – буркнул я. Он усмехнулся, еле заметно.

В одном из карманов скафандра ликвидатора я обнаружил герметичный пенал. На вид – ничего особенного. Ударопрочный корпус, композит, защёлка. Я открыл его. Внутри – не документы, не импланты, не флешки. А… шарики. Разных цветов, разных размеров. Некоторые размером с жемчужину, некоторые похожи на виноградины.

– Не выбрасывай, – вдруг сказал парень. Я поднял взгляд. Он смотрел на содержимое пенала, как на святыню. – Отдай их мне. Это важно.

– Ты знаешь что это? – я поднял одну на просвет, – Боеприпасы? Биокапсулы?

– Да. Это основа для противовирусного коктейля, – выдохнул он и на секунду закрыл глаза, будто решая, говорить или нет. – Мы с сестрой… с другой планеты. Мы сбежали из донорской лаборатории. Эти ликвидаторы гонятся за нами. А мы, если не будем пить антидот от вируса, то постепенно начнем перерождаться в зомби.

Я молчал, но в мозгу уже начали складываться кусочки пазла.

– Вирус называется Стикс, – продолжил он. – Ты о нём не слышал? Значит, ты не заражён. И тебе нельзя снимать шлем. Ни при каких обстоятельствах. Мы… носители. Нам повезло. Пока. Но вирус работает изнутри. Медленно. Он переписывает клетки. Делает… другими. Если не пить коктейль – превращаемся. Постепенно. Сначала повышается температура тела, потом начинаются изменения тканей. Потеря речи, агрессия, потом – всё. Сознание гаснет. Остатки разума уходят, остаётся только мясо, которое жаждет крови и плоти.

– Зомби? – я усмехнулся, нервно. Вариант, конечно, стрёмный, но уж слишком похоже на сюжет фильма про зомби апокалипсис.

– Хуже, – хрипло сказал он. – Если вирус Стикса попадает на другую планету, то в итоге захватывает её всю. На этой планете не в помещениях ты ходил без шлема с фильтрующей системой?

– Нет. Нам по уставу нельзя выходить на поверхность Марсиата без скафандра.

– Ну всё понятно, это планета внешников, на которую занесли вирус Стикса, – сказал мой новый знакомец своей сестре.

– Тебя хоть как зовут то? – спросил я у парня. – Так и не познакомились ещё.

– Меня – Букварь, её – Фиалка, – ответил пришелец.

– Лёха, – представился я.

– Странные у вас имена, – удивился я. – Больше на клички похожи.

– А это наши имена в Стиксе. Все кто попадает в Стикс и имеет иммунитет, получают новые имена от других обитателей Стикса, уже поживших в Улье. То есть проходят своеобразный обряд крещения. Иметь в Стиксе своё имя из прошлого мира – плохая примета. Но крестить тебя я не буду, потому что в тебе нет вируса Стикса, хотя формально ты находишься в

Стиксе. И еще не факт, что ты вообще иммунный. Кстати, Стикс ещё называют Ульем. Потому что в него попадают куски из других миров, как соты, называемые кластерами.

– Это все конечно интересно, но у нас мало времени, думаю сюда скоро нагрянет подмога ликвидаторов. Давай позднее об этом поговорим, – прервал я Букваря.

– Как скажешь, просто хотел, чтобы ты понимал с чем имеешь дело, – согласился он.

Я перевёл взгляд на открытый пенал. Шарики тихо катались по дну. С виду ничего особенного. Но если хоть половина того, что он сказал правда, значит, это может быть ключ к их жизни. А может и к моей, если вирус доберётся и до меня.

– Ладно, – я передал ему пенал. – Но если вы начнете мутировать, я не буду ждать пока вы переродитесь. Понял?

Он кивнул.

– Мне нужен спирт, – добавил Букварь. – Или любой крепкий алкоголь. Без него живец не сделать. Живец или живчик – так называется коктейль, который пьют иммунные в Стиксе.

– В медицинском шкафу есть медицинский спирт. Думаешь, подойдёт? – спросил Букваря.

– Лучше, чем ничего, – ответил он.

Я встал, пошёл за спиртом. Теперь всё поменялось. Теперь это не просто отбиться и выжить. Теперь на мне ответственность. За этих двоих. За себя. За ту дрянь, которая проникла на маяк.

– Марлю и какую-нибудь бутылку и стакан еще захвати с собой, если есть, – попросил Букварь вдогонку.

Через пять минут я принес беглецам всё, что им было нужно для приготовления антидота, или живца.

Букварь налил в пол-литровую бутылку спирта, разбавил его водой, затем кинул туда серую виноградину. Немного подождав, он процедил через марлю в стакан получившуюся жидкость. После чего они с Фиалкой выпили коктейль, скорчив лица так, будто выпили мочу буйвола. Но через несколько минут их лица засияли, словно они выпили мощный энергетик. Было явно видно, что они взбодрились, как после чашки утреннего кофе.

Но тут я вспомнил. Ликвидаторов было четверо на двух багги. В каждой машине – по двое. Я их видел на мониторе с внешней камеры. А сюда прорвались только два. А где ещё двое?

Что-то кольнуло в груди, резко, неприятно. Инстинкт подсказал: не расслабляйся. На этой планете расслабление – роскошь, за неё платят жизнью.

– Смотритель, – сказал я. – Включи камеру наблюдения за площадкой перед главным входом. И сразу – полный обзор.

ИИ маяка отозвался своим безэмоциональным голосом:

– Камера активна. Вывожу изображение.

На одном из мониторов появилась картинка. Пыль, скопившаяся на линзах, слегка размывала дальние контуры, но центр был чёткий. Один багги стоял на площадке перед воротами. Один. Только один.

Секунду я просто смотрел. Потом щёлкнул пальцами.

– А второй где? Смотритель, отмотай запись камеры назад, на момент прибытия обеих машин.

– Хорошо, начинаю воспроизведение с отметки минус двадцать семь минут.

Изображение дрогнуло, потекло назад. Вот горизонт. Вот силуэты багги. Буря тогда только усиливалась. Одна машина, вторая… Да. Чётко видно. Два багги, оба ползут сквозь пылевую завесу, почти рядом. Первая доезжает до входа, останавливается. Выходит один ликвидатор, пропиливает отверстие. Выходит его напарник. Вдвоем пролазят в прорезанный проход в воротах. Теперь они лежат мертвыми.

Вторая машина задерживается. Почему? Камера с трудом ловит детали, ветер гонит столбы пыли. Потом – вспышка. Порыв. Резкий.

Я едва успел моргнуть, как второй багги словно подхватывает гигантская рука и срывает с места. Машину поднимает и уносит, как сухой лист. Колёса вращаются в воздухе, один из ящиков снаряжения срывается и исчезает в пыльной каше. Через пару секунд всё исчезает. Пустота. Пыль. Только одна машина остаётся на месте. Всё.

– Зафиксировано, – прокомментировал ИИ. – Второй транспорт уничтожен либо унесён порывом ветра в неизвестном направлении. Последняя отметка координат: сектор 4-Б, девятьсот двадцать метров на юго-запад от маяка.

Я хмыкнул. Юго-запад. Там ничего нет. Только каньон и пустошь, усеянная кристаллическими отложениями и радиоактивным песком. Если они выжили, если каким-то чудом не переломали себе хребты и не задохнулись в разгерметизированных скафах – им теперь не подняться. А если поднялись, то могут вернуться. Это уже плохо.

– Смотритель, – сказал я, – настрой сенсоры движения на внешний периметр маяка. Радиус сто метров. Включи тепловизор, акустические микрофоны, детекторы биологических признаков. Если кто-то появится, я должен знать заранее.

– Принято, выполняю.

Вдруг из динамиков центрального канала громкой связи раздался голос. Резкий, формализованный, лишённый всякой эмоциональной окраски, как команда, записанная на диктофон старой модели:

– Внимание. Идентификация: Маяк-17, смотритель ИИ – узел 2268. Получена директива уровня три от Центрального управления навигации и безопасности. Содержимое команды: немедленно блокировать все внешние и внутренние шлюзы, приостановить любую локальную автономию, приостановить подчинение голосовым командам зарегистрированного оператора Термит. Объекты, находящиеся внутри периметра, подлежат изоляции до прибытия группы СКПЗ. Время ожидания – двенадцать часов земного стандарта.

Я замер. Мелькнула первая мысль – глюк. Но повтор прозвучал уже в режиме громкой трансляции по всей станции. Это был не глюк.

Я поднял голову и посмотрел в потолок – туда, где под защитной решёткой светился красный глаз центрального сенсора. Голос больше не повторялся. Просто тишина и монотонный гул вентиляции, теперь как будто тише, чем раньше.

– Смотритель, – сказал я. – Протокол подтверждения. Расшифруй команду. Кто отправил?

Ответ был мгновенным, чётким, лишённым ноток прежнего почтения, которым он обычно сопровождал мои распоряжения.

– Указ подписан начальником Центрального сектора управления маяками. Приоритет – первый. Ведомственная печать, ключ кодировки – Буревестник-Три. Видео подтверждение атаки, полученное с регистраторов ликвидаторов, подтверждает участие оператора Термит в выведении из карантинного тамбура двух субъектов, инфицированных вирусом Стикс.

– Я не знал, – бросил я резко. – Я хотел спасти людей от нападения непонятных бойцов в скафах без опознавательных знаков. Смотритель, ты сам дал выход.

Пауза. Длинная. ИИ, похоже, переваривал конфликт системных приоритетов.

– Анализ завершён. Ваша оценка не имеет значения. Согласно директиве, доступ к управляющим функциям аннулирован. Режим – карантин. До прибытия команды зачистки. Выход невозможен.

Букварь, стоявший у стены, медленно осел на пол. Девушка неподвижно застыла в кресле у панели.

– Чёрт, – выдохнул я. – Надо что-то срочно соображать.

Я повернулся к терминалу и врезал по нему кулаком. Монитор не треснул – промышленная бронестеклопанель выдержала, как и положено. Я вздохнул, пот катился по вискам, и уже хотел снять шлем, но опомнился в последний момент.

– Смотритель, статус замков?

– Все шлюзы заблокированы. Механические и магнитные защёлки приведены в действие. Открытие невозможно без мастер-ключа уровня один или отмены директивы командованием.

– Чёрт бы вас побрал, – выдохнул я.

Я знал, как действует команда зачистки. СКПЗ – Специальная Контрпатогенная Зачистка. Они не разговаривают. Не предъявляют ордер. Просто приходят, штурмуют, заливают всё напалмом, а потом оставляют факел маяка гореть ровно столько, сколько нужно, чтобы весь внутренний объём прогрелся до температуры, при которой даже вирусы начинают молиться о пощаде.

А я, выходит, стал пособником. Чёртов героический сторож маяка. Нянька двух беглых лабораторных подопытных.

И тогда я вспомнил.

Это было в прошлом году, на другом маяке, в другом секторе. Погодные условия там были ещё жестче, чем здесь, но и техника была поновее. Из-за бури тогда накрылась система распределения питания. Вся станция осталась без связи, без света, без отопления. Погода начала жрать нас живьём. Серый песок засыпал половину высоты маяка, подмял под себя выездной шлюз. Заблокировало всё, включая грузовой ангар. Только на маяке нас было трое, я и двое техников, проводивших плановое ТО. Мы были как в могиле. Тогда старший техник – Сомов, кажется, – вспомнил про аварийный люк.

В каждом маяке независимо от конфигурации, модели или локации был аварийный выход. Неофициальный, сделанный, скорее всего, по настоянию первых колонистов. Он не упоминался в публичной документации. Даже на чертежах не был отмечен. Тоннель экстренного выхода. Проложенный под фундаментом, узкий, душный, порой частично заваленный, но ведущий к выходу.

Попасть в туннель можно на первом этаже. Люк в полу, под фальш-плиткой, ведущий в узкий туннель. Тогда мы с Сомовым и ещё одним техником срезали замок резаком и ушли через туннель. Долго ползли, примерно полкилометра под землёй, в духоте и пыли, но выбрались. Именно это спасло нас тогда. Может, спасёт и сейчас.

– Есть способ, – сказал я тихо, себе и вслух. – Есть чёртов способ…

Беглецы посмотрели на меня. Взгляд девушки – с надеждой, парня – с недоверием. Но у меня не было времени уговаривать.

– На первом этаже, в санузле. Там в полу должен быть люк, старый, с обычным механическим замком, без электронного блокиратора. Он предназначен на тот случай, когда всё остальное уже пошло по звезде. И я знаю, как его открыть.

Я поднялся, проверяя плазменный резак на бедре. Половина заряда еще есть. Запасные фильры в герметичном кармане на плече. Всё с собой. Я был готов. В подземных туннелях я бывал чаще, чем в жилой капсуле, это был мой второй дом.

На маяке запас еды для временных постояльцев хранился в оборудованном для этого холодильнике. Я открыл холодильник, выгреб из него все продукты, сложил в рюкзак, который передал Букварю. Продуктов должно было хватить на несколько перекусов.

На первый этаж спустились быстро. ИИ не препятствовал. Он действовал строго по протоколу. Запер – и ждёт. Не убивает, не швыряет в ловушки. Он не убийца. Просто слепой исполнитель, слушающий центр.

Дверь в санузел обычная, механика. Я распахнул её плечом. Внутри – два умывальника, сушилка, унитаз, аптечный ящик. У дальнего угла, между плитами – нужный мне сегмент. Я опустился, провёл пальцами по шву. Есть. Неровный, слегка приподнятый. Под ним – люк.

Приподняв одну из плит, я увидел стальную крышку. Ручка. Следы коррозии. И главное – замок. Старый, с заусенцами, как в том маяке. Значит, я не ошибся. Это он.

Я включил резак.

Металл зашипел. Запахло раскалённой сталью, дымом. Замок повело, он прогнулся. И тут – щелчок. Подцепил крышку. Под ней – тьма. Влажная, зловонная.

– Вниз, осторожно, – сказал я и спустился первым. Мои новые друзья полезли следом.

Лестница старая, металлическая. Ржавая, но крепкая. Глубина – метров пять. Потом – горизонтальный тоннель. Узкий, как кишка.

В шлемах включились фонари – тонкие снопы белого света разрезали темноту. Низкий потолок, бетонные стены, кабели на крепежах, кое-где оборванные, кое-где с потеками ржавчины. Запах даже сквозь фильтры чувствуется. Влажный, затхлый.

Я двинулся первым. Шаг медленный, уверенный. Левая – правая – пауза – осмотр – вперёд. Выработанная привычка зачистчика – сначала смотришь, потом наступаешь. Особенно если не знаешь, что тебя ждёт. А мы не знали. Этот туннель вне штатных протоколов. Старый, аварийный.

– Не отставать, шаг в шаг, – буркнул я.

Молчание – лучший ответ. Вниз, вверх, снова вниз. Пол то поднимается, то проваливается волнами. Каждый шаг отдаётся в ногах, как будто бетон жалуется на давление. Под нами – полость. Может, коммуникации, может просто пустота.

Трещина на стене. Останавливаюсь. Осматриваю. Ничего опасного. Пока.

На двухстах метрах первая остановка. Пауза. Дышим. Слушаем. Свет – на минимум.

– Тихо тут. Слишком тихо, – Букварь сказал это почти шёпотом, но в замкнутом туннеле слова казались выстрелом.

– Лучше чтобы шумело? – спросил я, не оборачиваясь.

Ответа не последовало.

Свет в фонарях подрагивает.

На потолке – старая маркировка. Линия Т-2, 480 м. Почти у цели. Если память не врёт, дальше будет технический шлюз, а за ним – старый техотсек. Из него можно выбраться на поверхность.

– Осталось чуть больше сотни метров. Собрались, – сказал я, стараясь, чтобы голос звучал жёстко.

Пошли дальше. На стенах появились пятна. Вроде не кровь. Может, смазка, или что-то техническое. Но внутри засел холодок. Такие пятна я уже видел на одном маяке, где твари научились пролезать через вентиляцию.

Шаг, ещё шаг. Звук воды под ногами. Капает где-то спереди.

Я поднял руку. Стоп. Все замерли.

– Что это? – шёпотом спросил Букварь.

– Не знаю, – честно признался я. – Но мне это не нравится.

Направил фонарь вперед на потолок. Капли падали из разрыва в трубе.

И тут… звук. Где-то позади. Далеко, но чётко. Царапанье. Протяжное. Как будто кто-то провёл когтем по металлу.

Мы обернулись одновременно. Слишком резко. Фиалка ударилась шлемом о кабель, он качнулся, ударившись в стену.

– Тихо! – скомандовал я.

Царапанье повторилось. Уже ближе.

– Идём быстро, но без шума, – скомандовал я.

Последние сто метров прошли как сквозь сон. Ноги вязнут. В ушах – гул. Позади – шорох. Оно приближается. Медленно, настойчиво. Кто-то или что-то не спешит. Оно знает, что мы не выйдем. Думает, что знает.

Шлюз! Да! Впереди старая дверь, проржавевшая, но не замурованная. Я бросился к ней. Толкнул плечом, еще раз, поддалась. Забежали внутрь.

Я закрыл за собой дверь и навалился на нее всем телом в скафандре. На секунду полная тишина. Даже дыхание остановилось.

А потом… по ту сторону двери – удар. Сильный. Металлический скрежет. Что-то заскребло по двери.

– Оно знает, что мы здесь, – прошептала Фиалка.

Я кивнул. Букварь тоже навалился на дверь, помогая мне сдерживать натиск.

Я огляделся.

Комната не больше пятнадцати квадратов. Бетон, плесень, старая электропроводка, ржавые крепежи. Воздух густой, тяжёлый, с примесью затхлости.

В центре железная лестница. Ведёт вверх, к потолку. Там – железный люк. Не автоматический. Надо открывать вручную, ломом, силой. Но сначала – дверь. Надо её заблокировать, иначе всё это бессмысленно.

– Осмотри комнату! – буквально приказываю Букварю. – Всё, что может быть тяжёлым, тащи к двери!

Он кивает, отскакивает, оставляя меня одного. Тут же удар – почти в живот, через металл. Меня отрывает на пару сантиметров от двери, скафандр скрипит, позвоночник жалуется. Черт бы тебя побрал, тварь.

– Нашёл трубу! – доносится из темноты голос парня. – Толстая, металлическая! Ещё пару баллонов.

Букварь подносит трубу, вбивает её под дверную ручку одним концом, другим концом упирает в потрескавшийся бетонный пол. То что пол весь в трещинах играет нам на руку.

Скрежет. Ещё один удар с той стороны, который вбивает трубу в пол еще сильнее. Это хорошо.

Парень волокёт металлический баллон, подпирает им низ двери. Затем второй подтаскивает к первому. Пирамида, честно говоря, не внушает доверия, но выбора нет.

– Страхуй! – говорю Букварю и снимаю плазменный резак с пояса, активирую его. Заряд еще есть.

Букварь уперся в дверь. Я сунул резак в щель между дверью и косяком, на уровне верхней петли. Нажал. Пошёл луч. Металл зашипел. Прожёг. Потом вторую. Потом низ. Пятна сварки, конечно, убогие, но соединение держит. На пару минут хватит.

– Наверх! – крикнул я всем. – Быстро!

Фиалка полезла первая. Букварь следом. Я – последним.

Подъём – метров пять, шесть. Люк сверху – круглый, с ручкой.

– Открывай! – крикнул я, когда Фиалка доползла до люка.

Она вцепилась в ручку, попыталась приподнять люк – ничего. Еще раз. Сил не хватает.

Тогда Букварь поднялся к люку, упёрся плечом, люк поддался. Они вдвоем смогли приоткрыть люк. Сверху посыпался серый песок, пыль.

– Быстро! Быстро! – рявкнул я в микрофон шлема.

Один. Второй. Я – следом. Вылез. Люк захлопнул. Втроем сразу же навалились на него. Но ударов не последовало. Подождали минут пять – ноль реакции.

– Надо уходить, – сказал я. – Бегом.

Я поднял голову. Небо – тьма, серое, мутное, в нём крутится мелкая фракция пыли, серая, почти пепельная. Видимость – метров двадцать, не больше. Всё, что дальше – бурлящая завеса из мельчайших частиц. Бьёт в забрало шлема, в грудь, в ноги – но скафандры держат.

– За мной! – я указал рукой направление, ориентируясь по карте на экране шлема. – До маяка триста метров! Багги возле восточного шлюза! Бежим!

Они кивнули, и мы пошли. Потому что бежать – это в теории. На практике – шаг в бурю требует силы, как будто ломишься через поток воды. Только вместо воды – воздух, напичканный песком и пылью.

Я шёл впереди, чуть пригибаясь, прикрывая забрало шлема рукой, хотя это бессмысленно. Просто рефлекс. Каждые пару шагов оглядывался. Беглецы были рядом. Мы двигались цепью, как по минному полю.

Через две минуты я уже задыхался. Не от недостатка воздуха – системы подачи справлялись – а от напряжения. Ноги вязли в песке, ветер сбивал с траектории. Один шаг вперёд – полшага вбок. Главное – не падать. Встать будет непросто.

У маяка я увидел очертания багги. Песком его уже слегка припорошило, но кабина цела. Двухместка. Расчитана на пару бойцов и груз. Сейчас будет трое. Разместимся. Как-нибудь.

Я сел за руль. От пыли приборка не просматривалась, но пальцы уже всё нащупали – включение, система запуска, диагностика – всё в порядке, пока что.

– Быстрее! – крикнул я.

Букварь помог Фиалке забраться на пассажирское сиденье. Сам забрался сзади, между сидений, полусогнувшись. Неудобно, но терпимо. Он зацепился руками за крепления спинок, прижался. Нормально.

– Все? – спросил я.

– Да, – одновременно отозвались оба.

– Держитесь.

Машина рванула вперёд – рывком, как дикий зверь с поводка. Нас тряхнуло, я выровнял направление. Система стабилизации глотала рытвины. Слева замелькали обломки металлоконструкций – старый генераторный узел, врытый в песок. Это хорошо. Это ориентир. Мы движемся правильно.

Цель – старая горнодобывающая шахта. Она на другой стороне хребта, километрах в трёх. На картах значится как объект 7К-С. Шахта брошена лет семь назад. Там можно укрыться. В зеркале заднего вида только буря, больше ничего.

Глава 5

Мы стояли перед заблокированными воротами заброшенной шахты, втроем, думая как попасть внутрь. Ворота в шахту были не просто закрыты – запечатаны, сварены, оплавлены, завалены обломками, будто кто-то очень не хотел, чтобы туда кто-нибудь вошёл. Или чтобы оттуда кто-нибудь вышел. Песок бил по шлемам, будто тысячи крошечных кулаков пытались пробить стекло и добраться до мозга. Он шуршал по броне скафандров, лез в сочленения, царапал стекла шлемов.

Метрах в двадцати слева от ворот я заметил неровность. Часть стены шла под углом, из-под песка торчал квадратный выступ. Что-то подсказало, что это не просто так.

Я пошел в направлении подозрительного холма, позвав беглецов за собой:

– Сюда. Быстро. Помогите расчистить.

Руки в скафандрах были неуклюжи, но справились. Через минут пять мы разгребли песок. Под песком оказался металлический люк, заблокированный механическим замком.

– Букварь, твоя очередь, – сказал я, указывая на плазменный резак на поясе его скафандра.

Не без труда конечно, но парень с замком справился. Вдвоем с ним мы открыли тяжелый люк.

– Я первый, – сказал я.

Спустился по вбитым скобам – явно самодельный спуск, похоже, кто-то уже пользовался. Может, раньше, может, недавно.

Внизу – тьма. Сухо. Не холодно. Шахта жила. Или… гнила. Главное – мы внутри.

Поднял голову:

– Чисто. Спускайтесь.

Они последовали за мной. Сначала Фиалка, за ней Букварь, предусмотрительно закрывший за собой люк. Всё, мы под землей, по крайней мере теперь буря не страшна.

Быстро прошли по узкому коридору. И вдруг свет фонарей на шлемах разорвал тьму, обнажив огромный зал. Старый лифт шахты. Колонны поддержки. Кабельные трассы.

Рудник был давно заброшен. Это чувствовалось по ржавчине, по толстому слою пыли. Здесь когда-то кипела работа. Шахтеры ходили в синих комбинезонах, ругались, смеялись, грузили породу, раскручивали кабели. А потом всё… оборвалось. И осталась только тень – пыльная, мёртвая, беззвучная.

– Нужно найти комнату. Один вход, целые стены. Иначе нас быстро ликвидируют, если найдут, – сказал я, уже шагнув к одной из арок по правой стороне. За ней – лестница вниз. Возможно, к техблокам или складу.

А они найдут. Ликвидаторы не бросают задачи. Они, как вирус. Их не интересует ни кто ты, ни зачем. Увидели цель – преследуют до конца. Пока не получат подтверждение уничтожения. А мы оставили слишком много улик: багги, тела, сигнал с маяка. Этот зал – временная передышка, не более.

– Есть шанс, что шахта уходит глубже. Может, найдём проход, который не на схемах. Или тупик, который можно забаррикадировать. Ну или хотя бы комнату с запором, – продолжил я излагать мысли вслух.

Мы шли вдоль стены. Тени плясали от фонарей. Иногда из темноты выныривала старая техника, частично заваленная каким-то барахлом, иногда – пустые шкафы, местами – сгнившие ящики с непонятным содержимым. Больше всего мне не нравилось, что везде была тишина. Нигде ничего не капало, не скрежетала вентиляция, не шумела система фильтрации. Всё давно умерло.

Старую диспетчерскую мы нашли почти случайно. Ржавая табличка ЦУП Ш-4, едва читаемая под слоем пыли, висела над дверью, которая, к нашему счастью, не была завалена. Толкнули, с трудом распахнули, по скрежету поняли – давно не открывали. Внутри всё было покрыто толстым слоем пыли. Но самое главное – внутри было сухо, просторно, и можно было закрыться. Что мы и сделали, втащив с собой массивную железную балку, найденную в коридоре, и вогнав её под ручку. Дверь должна была выдержать если не штурм, то хотя бы первое давление.

– Это оно, – сказал я. – Остановимся здесь. Больше мы не можем бежать. Теперь нужно действовать на упреждение.

– А если буря утихнет? – спросила Фиалка, присаживаясь на старую панель.

– Если утихнет – у них появятся дроны. Тогда нас точно найдут, – ответил я. – Надеяться можно только на то, что мы у них пока не в приоритете. Может, у них другие цели. Может, они считают, что мы не выбрались, но расслабляться нельзя.

– Я видела на стене карту, – тихо подала голос Фиалка. – Рядом с пожарным щитом, метрах в десяти. Там что-то вроде схемы комплекса.

– Отлично, – я встал. – Пошли смотреть.

Пошли обратно в зал, где мы впервые оказались. Тёмный, пустой. Пыль витает в воздухе, но вентиляция всё же вытягивает – слабо, вяло, но воздух не стоит. Двигаемся вдоль стены. Да, вот он – щит, а рядом план эвакуации при пожаре. Пыль смахнули, подсветили.

– Мы здесь, – я ткнул пальцем. – Вот диспетчерская, здесь проход в техтоннель. Дальше – секция переработки, потом блок насосных станций, и вот – аварийный выход. Точнее, старый вентиляционный люк.

– Это может быть шанс. Даже если он завален, там есть ответвления. Шахт много. Главное – выбраться дальше, туда, где нас не будут искать.

– А если там твари, как та, что гналась за нами в туннеле под маяком? – спросила Фиалка.

У нас теперь есть винтовки, будем отстреливаться, – обнадежил я её.

Вернулись обратно. Заблокировали балкой дверь диспетчерской. Я достал из рюкзака тюбики с космической едой, раздал моим новым друзьям. Сам есть не стал, потому что помнил, что шлем снимать нельзя.

Перед трапезой Букварь достал бутылку с их коктейлем, они выпили из нее по очереди немного живца, только затем начали употреблять космическую еду.

– А что это за планета? – спросил Букварь.

– Марсиат-207, – ответил я ему. – Эта планета используется полностью под добычу полезных ископаемых. Здесь нет городов, дорог и прочих составляющих урбанизации.

– А какой вообще год? – продолжил интересоваться Букварь.

– Две тысячи сто десятый, – буднично ответил я.

– Какой? – он аж поперхнулся.

– Две тысячи сто десятый по земному летоисчислению, – я не понял его удивления.

– А у нас был 1998. Ну, то есть девяносто восьмой до попадания в Стикс.

– Не знаю, что за планета Стикс такая, сейчас вы на Марсиате. Сектор пятый, восточный. Закреплён за Российской Федерацией. Сектор большой по площади.

Он поднял брови. Я продолжил, не торопясь, будто рассказываю старую сказку.

– Планета давно используется под добычу полезных ископаемых – редких, дорогих, нужных. На Земле за них войны ведутся, а тут, в шахтах и рудниках, всё решается проще. Тот, кто добыл, тот и отгрузил. Весь Марсиат поделен между странами – у кого больше влияния, у того и сектор жирнее. У нас – суровый, пыльный, но богатый. Здесь копают, бурят, режут пласт породы – всё ради того, чтобы обеспечивать тех, кто живет на Земле.

Я встал, прошёлся вдоль стены, проведя пальцами по облупившейся краске.

– Но лет двадцать назад всё пошло не по плану, – сказал я, остановившись. – На одном из научно-исследовательских полигонов начали проводить эксперименты. Генные модификации, нейроинтерфейсы, усилители. Хотели создать идеального рабочего, биоробота – неустающего, не жалующегося, не требующего еды. И сделали. Только вышло, как всегда.

– Вирус. Сложный, агрессивный, адаптирующийся. Его не заметили сразу, а потом было уже поздно. Началась вспышка. Вирус атакует мозг, изменяет структуру ДНК, делает из чело-

века… не человека. На первой стадии – это обычный зомби, как из фильмов. И эти зомби питаются такими же как они, не обязательно людьми. Но по истечении определенного времени, зомби мутируют в более агрессивных тварей, а те твари в еще более злых тварей. В итоге может вырасти такой монстр, которого никто даже и не представлял.

– С тех пор Марсиат закрыт для гражданских. Только военные, шахтёры, ликвидаторы и зачистка. Я отношусь к зачистке. Но зачистка не от людей, а от тварей, населяющих подземные туннели этой планеты. Этих тварей здесь называют Слагами. Иногда они прорывают свои туннели в горнодобывающие шахты, тогда шахте конец. Когда слаговский туннель приближается к шахте, то вызывают нас, чтобы пресечь продвижение слагов. Откуда слаги здесь появились, или может быть они всегда населяли Марсиат, я не знаю. А может, они вообще результат очередного эксперимента…

Я сел, прислонившись к стене.

– Перед отправкой на Марсиат все проходят инструктаж. Выход на поверхность – только в герметичном скафандре. Реальность такая: без шлема – ты труп. Без фильтра – два вдоха, и ты уже не ты. Поверхность – вечно в пыли, бури – каждый день. А ещё – нападения. Твари чуют. Слышат. Иногда поджидают.

– Я понял! – оживился Букварь. – Мы попали на планету, куда внешник занес вирус Стикса. Это не последствия неудачных экспериментов. Как всегда обычных смертных в такие дела не посвещают. Вам сказали, что вирус – результат эксперимента. Но то, что ты описал, с пищевой цепочкой, начинающейся с зомби и заканчивающейся гораздо более сильными монстрами – это очень похоже на бестиарий Стикса. Сколько уже прошло времени с момента, как ИИ маяка определил в нас наличие вируса? Наверное сутки. За это время у нас с Фиалкой уже должны были проявиться начальные видимые признаки заражения. Но как видишь, мы в порядке. Потому что мы иммунные. Теперь моя очередь рассказать тебе про Стикс. Не хочу накаркать, но ты должен знать хотя бы первоначальную информацию.

– Как уже говорил ранее, мы перенеслись на эту планету из Стикса. Стикс – это не другая планета, это мир, состоящий из кластеров. Кластеры делятся на стабильные и перезагружающиеся. Перезагружающиеся кластеры – это такие кубические участки, как бы вырезанные из другой планеты. Причем подгружаться могут такие кластеры из разных временных отрезков. Могут из девятнадцатого, а могут и из двадцать второго века. И все кластеры пристыкованы друг к другу. То есть можно ехать по дороге, вдруг дорога резко оборвется и упрешься в непаханную землю, лес или промышленное здание.

– В Стикс попадают разные люди из разных времен и разных миров, с разных планет, и не только люди. Те, у кого есть иммунитет к вирусу этого мира, они остаются людьми. Их называют иммунными. Остальные мутируют сначала в похожих на зомби полулюдей, а затем мутируют дальше в разные стадии монстров. Чем дольше монстр живет, тем он становится сильнее, переходит на новые уровни их монстриного развития.

– У монстров на затылке находится споровый мешок. Из него добывают спораны, горох, жемчуг, янтарь.

– То что ты нашел у ликвидаторов в пеналах – это спораны, горох и жемчуг. При тебе я сделал специальный напиток, который называется живец. Иммунным, таким как я и Фиалка,

нужно постоянно пить живец, чтобы не начать перерождаться в зомби, по вашему, или в пустышей, по классификации Стикса. Просто быть иммуннум в Стиксе – этого мало. Нужно постоянно поддерживать иммунитет, употребляя живчик.

– В Стиксе есть внешники. Если сравнивать с компьютерной игрой, в которой есть разные фракции, то это одна из фракций. Еще есть другие фракции: муры, стронги, килдинги, атомиты, просто рейдеры. Но сейчас не об этом.

– И еще, пока не забыл, Стикс еще называют Ульем, потому что состоит из кластеров, которые как соты примыкают друг к другу.

– Внешники каким-то образом нашли путь в Стикс, и попадают в Улей сами, когда захотят. Но они постоянно ходят в специальных костюмах-скафандрах, чтобы не дышать воздухом Стикса, и чтобы не занести вирус Стикса на свою планету. Теперь я вижу, что происходит, когда вирус Стикса все-таки попадает на планету внешников. Так понимаю, на этой планете внешники сделали телепорт, перемещающий их в Стикс и обратно. А общественности сказали, что планета заражена вследствии утечки вируса из научной лаборатории.

– Внешники в Улье обнаружили, что иммунные имеют способность к очень быстрой регенерации поврежденных органов. И вообще иммунные с Стиксе молодеют. Можно попасть в Улей стариком и через несколько лет стать уже мужчиной в расцвете лет. Поэтому внешники охотятся за иммуннуми. Так же покупают пойманных иммунных у других иммуных, называемых в Стиксе мурами. Изымают у иммунных органы, и продают уже в своем мире. Думаю на данный момент такая опция доступна только очень богатым влиятельным людям на Земле.

– Мы с Фиалкой сбежали из донорского центра, построенного для этих целей. И вот мы здесь.

– Еще в Стиксе есть традиция – крестить встреченного свежака. Но ты не дышал воздухом Стикса, поэтому крестить тебя я не могу. Еще не известно, иммуный ты или нет.

– Вот это поворот, – ответил я, дослушав монолог Букваря, и не зная что сказать по этому поводу. Но в одном я был уверен точно – шлем нельзя снимать ни при каких обстоятельствах.

– Нам на этой планете точно делать нечего, за нами устроена охота и рано или поздно ликвидаторы доберутся до нас. Нужно искать способ вернуться обратно в Стикс, – сказал Букварь.

– Согласен с тобой. Но сначала нам нужно выбраться из этой шахты в таком месте, чтобы нас не засекли. Предлагаю выдвигаться в сторону вентиляционных шахт, – ответил я, поднимаясь с пола и направляясь на выход из диспетчерской.

Мы прошли через главный зал и зашли в один из коридоров.

– Сюда! – позвал я беглецов. Луч света моего фонаря выхватил проход, заваленный частично, но по краям виднелись трубы. Крупные. Похоже, старый вентиляционный рукав.

Я подошёл ближе, осветил. Да, похоже на узел распределения воздуха. Вниз в темноту уходила железная лестница.

– Букварь, прикрывай. Фиалка – за мной, – бросил я и полез первым. Сначала осторожно, потом чуть быстрее, когда понял, что железные крепления держат.

Ниже было теснее. Туннель оказался длинным, узким, без ответвлений.

Мы спускались долго. Потом – развилка. Влево – узкий ход, наклон вниз. Вправо – технический тоннель, шире, но с признаками обрушений.

– Спускаемся вниз, – сказал я. – Если пройдем ниже, есть шанс, что найдём магистральный туннель.

Спуск был несложный, но опасный. Железные перемычки постоянно скользили под ногами.

– Стой. Тихо, – сказал я, когда впереди услышал эхо.

Мы остановились. И снова – только тишина. Или… нет. Повторилось. Едва уловимо. Шорох. Где-то впереди. Не механический. И не ветер.

– Кто-то есть? – шепнул Букварь. Его голос был еле слышен в канале.

– Или что-то, – ответил я.

Мы замерли. Я прицелился вперёд, включил режим сканирования. Прямо – пусто. Справа – завал. Слева… движение.

– Похоже люди, – сказал я. – Осторожно, в обход, левее. Тихо.

Обошли. Медленно. Один шаг – пауза. Второй. Без разговоров. Без звуков. Лучше не шуметь. Слишком глубоко, слишком близко к центру комплекса. Если обнаружим себя – побег может закончиться здесь.

Прошли ещё сто метров. Коридор расширился. Я увидел перед собой массивную дверь. На ней – маркировка: Магистральный канал Б-4.

Я включил сканер. Сигналы неясные, смазанные, как будто интерференция, или кто-то специально экранирует себя. Но они есть. Два слабых тепловых пятна.

Дверь перед нами была приоткрыта. Не распахнута, не сломана, а аккуратно приоткрыта, так, чтобы не лязгнула защёлка.

Я подошёл первым. Винтовка наготове, палец на спуске. Внутри скафандра жарко, хотя система охлаждения работает в штатном режиме. Это не перегрев. Это инстинкт. Тот самый, звериный, старый как сам человек. Когда понимаешь – за дверью что-то есть. Что-то чужое.

Осторожно, медленно, я нажал на край полотна, и оно послушно отъехало внутрь. Скрежет металла по металлу, как по нервам. Слишком громко, но уже поздно.

Мы втроём медленно вошли внутрь. Комната оказалась больше, чем я ожидал. Пол – бетонный, с разводами старого машинного масла. Потолок – запылённый, с торчащими кусками проводки. Отличное место для засады.

Я сделал знак – рассредоточиться. Фиалка пошла вдоль стены, Букварь двинулся вглубь. Я остался в центре, держа под прицелом левый и правый фланги. Шаг, ещё шаг. Сканер пикнул. Тепло всё ближе. Они – не в вентиляции. Они – здесь.

Скрежет, лёгкий, как будто кто-то сдвинул пустую канистру. Слева. Я перевёл винтовку. Букварь уже рядом. Указал на железный шкаф. Подал знак Фиалке – обходить справа.

Я кивнул. Снял предохранитель.

– Выходите! Медленно! Без глупостей!

Пауза. Долгая. Я уже готов был стрелять. Но затем они вышли.

Парень и девушка. В таких же скафандрах техников, как и у моих новых друзей. Без оружия. Без снаряжения.

Они подняли руки. Медленно. Спокойно.

– Кто вы? – спросил я, направив винтовку на новых техников.

– Мы из донорского центра. Мы сбежали через портал. Случайно, да, но всё равно сбежали. Телепорт сработал, нас перебросило на другую базу, – начал объяснять парень.

Я внимательно слушал. Донорский центр… Где-то я уже это слышал.

– На новой базе нашли скафандры, – продолжал он. – Технический отсек. Пусто. Ни охраны, ни камер. Странно всё было. Там же нашли квадроциклы – два штуки. Заправленные, ключи в замках. Как будто кто-то ушёл в спешке. Мы поехали.

– Куда именно? – спросил я.

– На карте внутри шлема нашли ориентир – промышленное здание. Доехали до него. Потом в нем нашли какой-то технический туннель. Залезли в него. Шли долго. Пока не оказались здесь.

Я кивнул. Всё звучало логично. И очень похоже на нашу ситуацию.

– Радио слышали, – добавила девушка, её голос был чуть глуше, словно фильтры не до конца пропускали звук. – На той базе, откуда квадроциклы, в одной из комнат работала радиостанция. Кто-то забыл выключить, или нарочно оставил.

– И что там?

– Говорили: Сафари началось. Повторяли. И ещё: Группа Клык-1 выдвинулась. Цели в секторе Д. Потом: Поиск через шахты, сектор Б-4. Это – здесь, да? – спросила беглянка.

– Похоже они знали, куда мы направились, – продолжил парень. – Наверное в багги маячок. Или в скафандрах. Или и там, и там.

Ну конечно. Откуда им знать, что эти скафандры техников передают координаты онлайн. А у моих то друзей тоже такие же скафандры. И что я раньше об этом не подумал. Но с другой стороны без скафандров на Марсиате никак.

– Где багги? – спросил у парня.

– Оставили перед зданием, – последовал ответ.

Я тяжело вздохнул. Всё хуже, чем хотелось. Но ещё не безнадёжно.

– Теперь до меня дошло, что не мы такие везучие и неуловимые, а мы участники сафари со стороны дичи, которую загоняют по флажкам, – вмешалась в диалог Фиалка.

– Так понимаю вы из Стикса, – спросил беглецов Букварь. – Представьтесь тогда.

– Я Хмурый, это Изольда, – ответил парень. – Крестил нас Гвоздь из стаба Мирный.

– Я Букварь, это Фиалка и Лёха, – представил всех Букварь. – Лёха местный, не крещеный, но на этой планете вирус Стикса уже разошелся. Это планета внешников, как вы уже поняли.

– План меняется, – пришла моя очередь говорить. – Смысла искать другой выход уже нет. Если мы участвуем в сафари как звери, то нужно выработать план обороны от загонщиков.

– Подождите! – прервал меня Букварь. – Мы же все из Стикса, кроме Лёхи. И здесь тоже Стикс. Значит мы можем использовать свои дары.

– Мой дар – Боевая эмпатия. Чувствую ощущения в теле цели на момент прицеливания. Знаю, где у неё напряжены мышцы, куда она хочет двинуться, и стреляю на упреждение, – продолжил Букварь.

– Я могу останавливать кровотечение, – сказала Фиалка. – В атаке я не помощница, но если что, могу подлечить раненых.

– Я клокстопер, – сказал Хмурый. – Все знаете о таком даре?

– Резкое ускорение, как-будто всё вокруг замирает, верно? – спросил Букварь.

– Да, – подтвердил хмурый. – Но я прокачал дар пока только на несколько секунд.

– Ну уже что-то, – кивнул Букварь.

Я могу вытягивать влагу, – произнесла тихо Изольда, будто сомневалась в полезности своего дара. – Из воздуха, из поверхности. Мгновенно сушу всё, в том числе слизистые. Если враг не в защите, могу за несколько секунд высушить его.

– Это больно? – поинтересовался я.

– Больнее, чем можно представить, – усмехнулась Изольда.

– Получается вокруг меня одни маги и волшебники, – присвистнул я. – О чём вы вообще говорите? Что это за шоу экстрасенсов?

– Это бонус Стикса иммунным. Каждому иммунному Стикс даёт суперспособность, как у супергероя, которая называется дар. Эту способность можно развивать, употребляя горох, жемчуг.

– Хмурый, покажи свой дар, – произнёс Букварь, – у остальных дары просто так не продемонстрировать.

Вторая секунда – и Хмурый исчез. Без дыма, без вспышки. Просто исчез. Как кадр, вырезанный из плёнки.

Щелчок. Вспышка сбоку. Он стоял в трёх метрах, у стены.

– Умею прыгать, – сказал он просто. – На несколько метров. Быстро. Мгновенно. Бесшумно.

– Да, теперь верю, – присвистнул я от удивления.

Но времени на бурное проявление удивления не было, и мы выдвинулись на поиски другого туннеля, ведущего к третьему выходу, если такой вообще существовал.

Я шёл впереди, все остальные за мной, друг за другом. Только я был экипирован настоящим боевым скафандром, предназначенным специально для защиты от агрессивных представителей местной флоры и фауны. У остальных были обычные технические скафандры, защищавшие только от враждебного климата планеты.

Идя впереди колонны, я чувствовал ответственность за всех остальных. Если бы кто-нибудь допустил промашку или попал в ловушку, шансов выжить оставалось мало. Поэтому я старался вести группу осторожно, обходя любые подозрительные повороты стороной.

Мы углублялись всё дальше, шаг за шагом. Под ногами хрустели мелкие камни и обломки старого оборудования, что придавало нашим движениям дополнительный шум. По бокам встречались старые трубы и металлические конструкции, ржавеющие в темноте. Некоторые стенки покрывали странные грибковые образования, похожие на плесень, слегка фосфоресцировавшие в свете наших фонарей.

Этот уровень давно перестал использоваться людьми, поэтому я ожидал встретить нечто необычное или даже враждебное. Однако ничего страшнее небольших грызунообразных существ, стремглав разбегавшихся прочь в свете наших фонарей, не попадалось.

Ещё один поворот, и мы очутились перед большим перекрестком. Три возможных направления были перед нами: первое – прямо, второе – резко поворачивающий вправо туннель, третье было чуть левее, уходя глубоко вниз по наклонному участку.

– Что думаешь? – тихо спросил Букварь, стоящий рядом.

– Надо спуститься ниже, – ответил я, уверенно шагнув вперёд к третьему направлению.

Остальные молча последовали за мной. Мы шли, постепенно спускаясь по извилистым ходам, ведущим вниз. Туннель становился всё круче, ступени – острее. Индикаторы на внутреннем мониторе шлема показывали, что воздух стал заметно холоднее и влажнее. Кромешная тьма заполнила всё пространство вокруг. Казалось, будто сам камень поглощает свет.

Примерно через полчаса медленного продвижения вниз мы уперлись в препятствие. Силуэт широких металлических ворот, испещрённых следами коррозии, возник из полутьмы.

Вытащив плазменную винтовку, я аккуратно толкнул створку ворот. Металл издал протяжный скрежет, вибрация пошла по полу, но ворота наконец распахнулись, открыв доступ в следующую секцию подземного комплекса.

Теперь дорога вела ещё глубже, вдаль от поверхности, в сердце древних горных пород, и я ощущал, как растут напряжение и надежда одновременно. Возможно, именно там лежит спасение.

Новый подземный уровень сильно отличался от того, с которого мы спустились. На предыдущем уровне везде были видны многочисленные коммуникации, трубы, толстые электрические кабели, вентиляционные шахты. Тогда атмосфера ещё не давила так сильно, не создавала чувства необратимой изоляции.

Сейчас же, продвигаясь по новому нижнему уровню, мы попали в совсем иную обстановку. Этот уровень представлял собой безликий бетонный лабиринт, лишённый какой-либо индивидуальности. Монолитные плиты и панели повторялись регулярно, точно геометрическая сетка, лишённая эмоций и чувств.

Группа беглецов следовала за мной. Они смотрели на меня как на последнюю надежду, убеждённые в моей способности вывести их из смертельной ловушки.

После минут двадцати бесплотных поисков, я решил остановиться, предложив группе передохнуть и обсудить варианты дальнейшего продвижения.

Пока соратники предлагали идеи, я немного отошел от импровизированного лагеря и вдруг заметил у дальней стены странную деталь: небольшой выступающий кусок бетона неправильной формы.

Решив изучить необычный элемент подробней, я осторожно пошел к нему. Свет фонаря освещал пространство передо мной, не выявляя ничего необычного.

Пройдя несколько шагов, я вдруг почувствовал, как земля под моей ногой сильно промялась. Следующий шаг стал роковым: земля буквально разверзлась подо мной чёрной дырой, поглощая ногу целиком, а за ней и всё моё тело. Реакция организма была мгновенной – руки схватились за край пролома, стремясь удержать баланс и избежать полного падения. Моё сознание мгновенно охватила волна адреналина, смешанная с испугом и негодованием. Привычная

реакция тела включила режим повышенной готовности, мобилизовав весь потенциал физического состояния. Но, к сожалению, попытка спасти положение закончилась неудачей. Я провалился в полную темноту.

Глава 6

Падение было недолгим – может, четыре метра, может, пять. Но вместо сухого удара о дно шахты я почувствовал, как меня что-то подхватило. Как будто упал на мускул, мышцу. Что-то мягкое, эластичное. Я даже не успел толком испугаться. Потом было ещё два метра падения – и вот я стою на чём-то, вполне напоминающем пол, но не бетонный, а из мягких, пульсирующих, как бы живых тканей.

– Неужели Слаги? – подумал я. – Дак вот почему шахта заброшена. Слаги подобрались к шахте совсем близко, зачистить их не успели, соответственно хана всему производству в этой локации.

В новом узком туннеле слышался ритм – тяжёлый, низкочастотный, как биение сердца. Где-то вдали эхом отдавались удары, пульсация гигантских вен, по которым перегонялась густая тёмная жидкость, похожая на кровь, но не человеческую. Цвет у неё был фиолетово-чернильный.

Нужно было выбираться. Наверху, в шахте, остались четверо из Стикса, у которых в крови вирус, делающий из людей кого-то ещё. За ними охотятся ликвидаторы, я должен помочь беглецам убежать от погони.

Пошёл вперёд. Сначала пригнувшись. Потом в полный рост. Стены шевелились от прикосновений. Один раз одна из вен резко выступила из стены, будто собиралась обхватить мне шею, я отпрянул, успел. Плоть, что образовывала потолок, местами светилась – свет мягкий, голубой, похожий на рассвет в дымке. А местами всё погружалось в непроглядную тьму. Где-то там, в темноте, что-то скреблось. Тихо. Едва слышно. Как будто когтем по железу. Я не останавливался. Шёл, пока туннель не вывел меня в небольшую пещеру высотой метров пять.

Биомеханическая плоть на стенах образовывала структуры, похожие на ребра и артерии. На полу были сгустки слизи, где-то булькала чёрная жидкость. Я замер, не двигаясь.

И тут показался один из туннельных обитателей.

Сначала я думал, что это просто часть стенки, узор. Но когда он начал двигаться, понял, что это ящерица. Чёртова слаговская тварь. Почти два метра длиной, с телом как у саламандры, и глазами, которые светились в такт пульсации стен. Она мимикрировала под биоструктуру. Я только сейчас различил её очертания – и понял, что не один. Она уже готовилась прыгнуть.

– Ну давай… – прошептал я, поднимая винтовку.

Раньше на зачистках у меня был только резак, дротикомёт, да огнемёт. Всё это эффективно, но не так, как плазменная винтовка в моих руках, снятая с трупа ликвидатора.

Она прыгнула. Сверху. Как знал – со стены, в ту же секунду, когда я нажал на курок. Первым выстрелом попал в брюхо. Взрыв – ящерицу отбросило вбок, но она не сдохла. Встала. Зашипела. Плазма прожгла ей бок, но тварь полезла опять. Я дал второй залп – прямо в морду. Голова лопнула. Остатки скользнули вниз по стене.

Времени рассматривать дохлую ящерицу не было, нужно было срочно искать выход.

Биомасса, из которой сделан этот организм, глушила всё. На карту на экране шлема надеяться не приходилось. Оставался только я, винтовка, скафандр и чуть-чуть везения.

Двигался вперёд медленно, останавливаясь каждые несколько шагов. Биомеханические структуры не просто хаотичны – они чертовски сложны. Один проход мог закончиться тупиком, через полминуты открыться снова. Вены отходили в стороны, как кабели, а некоторые двери приходилось открывать вручную, вдавливая в слизистую оболочку пальцы в перчатках скафандра и нажимая что-то вроде нервных узлов. Да, мерзко. Но работало.

Прошёл так, по ощущениям, примерно километр. Местами приходилось ползти по узким, скользким проходам, где потолок опускался почти до пола. Стены шептали. Серьёзно. Как будто кто-то тянул звуки сквозь десятки слоёв мяса и металла. Низкое, ритмичное бормотание, в котором ничего нельзя было разобрать. Один раз, мне показалось, как кто-то произнёс моё имя. Еле не выронил винтовку. Потом понял – перегрузка слухового фильтра, от переизбытка органики. Ну или уже крыша едет.

Один туннель вывел в большую пещеру. Там было нечто вроде капсулы – похожее на желудок, но с жёсткими рёбрами.

Шёл дальше. Второй час пошёл. В скафандре становилось душно, внутренний конденсат собирался на забрале шлема. Хотелось пить. Но главное – держать курс, хоть какой-то. Ориентировался по венам – шёл вдоль самых толстых. Где транспорт – там движение, где движение – там выход.

А потом я наткнулся на биомеханический лифт.

Сначала подумал, что галлюцинация. Но нет. Это была полусфера, чуть выше моего роста, с мясистыми лепестками по бокам, которые то открывались, то закрывались. В центре – углубление с костяными пластинами, сложенными, как лепестки лилии. Я аккуратно подошёл, сунул руку в управляющий узел – похожий на сгусток нервов. И – сработало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.